

УЙГУН

АБУ АЛИ ИБН СИНО

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Абу Али Ибн Сино — великий ученый, лекарь.

Ситора — его мать.

Сахибджамал — его возлюбленная и ученица.

Рахмат — ученик и помощник Ибн Сино.

Чули-Бобо — старый охотник за травами.

Великий визирь Бухары.

Абу Файсал — лекарь, отец Сахибджамал.

Ибн Асрор — астролог.

Камалиддин — духовное лицо, знахарь.

Каландарий — знахарь.

Абу Талиб — духовное лицо.

Ходжа Бурхан — придворный.

Согиндык — ученик Абу Файсала и его соглядатай.

Усман-ота — сосед Ибн Сино.

Шамс-вд-Даула — эмир.

Тадж-ул-Мулк — казначей.

Зульфикар — хас-хаджиб, военачальник.

Джурджони — один из учеников Ибн Сино.

Якзан — тюремщик.

Могильщик

Воины, стражники, придворные, слуги, муллы дервиши, толпа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Ибн Сино. На полу ковер, курпачи. На хантахте— бумага, чернильница, калам, несколько книг. Ряды книг — и в нишах, рядом с ними на полках — многочисленные кувшины, кувшинчики, стеклянные банки и баночки с лекарствами, пучки сухих трав. В центре ковра стоит миска с остывшей едой, каза с кислым молоком, блюдо с урюком, изюмом, миндалем. Горит свеча. Ночь идет на убыль. Перед открытием занавеса слышна грустная мелодия, наигрываемая на тамбуре. Когда открывается занавес, Сино сидит в одиночестве и, прикрыв глаза, перебирает струны тамбура, но несколько секунд спустя входит Р а х м а т со ступой и пестиком в руках и, словно замороженный музыкой, останавливается на пороге. Сино, услышав его шаги, перестает играть и оборачивается на дверь.

Р а х м а т

Простите, о учитель, я вошел
на звук тамбура... Сам не замечая,
замороженный...

Сино

Пустяки, входи.
Я знаю, есть в тамбуре волшебство,
которое никак нельзя свести
к его пустой груди — и колебаньям
трех струн под пальцами. Есть в музыке
отрада,
лекарство, таинство. И это, мнится, связь
меж пустотелую тамбура грудью —
и чем-то в нашей собственной:

ему

там мало места, тесно — и оно
стремится вырваться и перелиться
в иной сосуд!
(приподнимая тамбур и откладывая в
сторону)

Хоть в этот — деревянный...
Ведь музыка не просто стройный ряд
бегущих звуков, струнных колебаний —
она в родстве с бегущим током крови...
Да что же ты застыл с открытым ртом,
как будто я тебе Коран диктую?..
Я пошутил! Дал протрезвиться мыслям...
Готово ли?

Р а х м а т

(принимаясь поспешно толочь)
О нет, еще немного...

С и н о

Кончай скорей! Лекарство очень нужно...

Р а х м а т

К утру закончу, если бог поможет.

С и н о

Ха!.. Что же, я и сам молю частенько
всевышнего, чтоб за меня закончил,
а все-таки доделываю сам.
Смотрел ли ты больных?

Р а х м а т

(продолжая толочь)
О да, учителе
Я всех осматривал и дал лекарство.

Они о вас справлялись — я сказал,
что вы отправились взглянуть больного,
которого нельзя везти сюда.
Они так верят в вас... сказать нельзя!
Им кажется: вам стоит появиться —
и прочь бежит хвороба!

С и н о

Если б так!

Когда б найти единственное средство
от всех болезней, чтобы врачевало
саму природу человека! Но
такого нет, увы. Покуда — нет...
И многих, многих я спасти не в силах.
Я перечел несчетные тома
целителей великих, наизусть
Сократа знал, Джалинуса,
несметно
запомнил средства от бесконечных хворей...
И все же то, что знаю — островок
в неведомом мне и безмерном море.
Порой почудится, что я постиг
закон единый жизни и леченья...
Увы, рассеивается мираж —
его опровергает новый случай.
Нет, нам чудес покуда не дано —
лишь неусыпный труд, терпенье, память...
Читать, читать! И собирать по капле,
как пчелы мед, людские знанья, опыт...
Ну, и конечно, шевелить мозгами!
Перечитал недавно Фараби —
вот кто постиг величье Арасту!
Уменье делать сложное — простым,
а темное — наглядным!.. О, прости
я заболтался... Глупая привычка...

Р а х м а т

Благословенна будь привычка ваша!
Ведь нам вокруг перепадают крохи
от вашей мудрости неизмеримой...

С и н о

Рахмат, ты льстец!..

Отхлебывает из касы кислого молока, встает, медленно ходит взад-вперед по комнате.

По правде говоря,
привычка эта — мне необходима,
мне первому! Да, да, так полон ум
и сведений почерпнутых из книг,
и случаев копящихся, и фактов,
сопоставлений, строящихся в ряд,
и мыслей, рвущихся из ряда вон,
что, кажется, не выскажись — и лопнет
мой череп, как пузырь! А размышленья
так рвутся в речь, как сонмы бедных душ
невоплощенных — к свету и рождению!
Ведь слово — тело мысли, в нем она
находит форму, обретает зрелость...
Ну, ладно. Как там, кстати, та старуха,
что торопилась высказаться всласть
меж приступами болей?..

Рахмат

От земных
она избавилась страданий.

С и н о

Та-ак...

Я знал, что ей недолго, но она
ушла еще скорее... Как же мы
бессильны пред грызущею напастью,
пред этой плотью дьявольской, что жрет,
растя, живое тело! Нету средства
остановить ее. И сколько, сколько
еще таких неодолимых бедствий:
чума, холера, малярия! Нет,
представь, какое множество живых,
цветущих, полных веры и надежды,
обречены им! Сколько новорожденных,
что сменят нас в грядущих временах,
уйдут, поверженные этим войском!..
А мы, со всем запасом наших знаний,
и трав, и снадобий — на берегу
стоим, как неумеющие плавать,
пока к нам тонущие тянут руки...

Рахмат

Учитель, вспомним, скольких вы спасли!

С и н о

Но столь же многим не помог, мой друг.

Входит С и т о р а.

С и т о р а

Всё говорят! Иль ночи нет для вас?
Когда ж вы ляжете?.. В постель немедля?
Рахмат кланяется и поспешно выходит.
Ведь скоро уж светать начнет, и тьма
сгустилась перед утром. Все живое
спит мертвым сном! И только эти двое...

Сино
(смеясь, обнимает ее за плечи)
Нет, трое, матушка!

С и т о р а
Болтун несносный!
Как мать заснет, когда не спится сыну?
Наоборот — бывает, и частенько!..
(другим тоном)
Ох, сын мой, говорят, ты величайший
таиб, любые ведаешь недуги...
Кроме недугов матери твоей.
А ведь они — ты сам, твои заботы ...
Дитя страдает день — а мать неделю.
Сын ногу занозит — а мать-то душу!

Сино
Ну, матушка, какое там дитя!
Мне самому иметь бы в пору внуков...

С и т о р а
А сын для матери — всегда дитя,
хоть бороду ему снежком присыплет.

Сино
(шутливо)
Ну, ладно, ладно, вот сейчас лялягу,
да и просплю две ночи и два дня!

С и т о р а
Уж, знаю, как ты спишь. Днем все с
больными,
а ночью — книги, книги, разговоры...
Надолго ль этак хватит человека?
Того гляди — сам свалишься больной!

Сино

Э, матушка, хворь не берет табибов!

С и т о р а

Да и бессонница ведь тоже — хворь.
Или не так, великий врачеватель?
Сам говорил: сон — первое лекарство!

Сино

Так, матушка. Но вы не беспокойтесь,
вы знаете, я с детства не любил
подолгу спать. Едва вздремну — и хватит!..
И без того жизнь слишком коротка...

С и т о р а

(взглядывает на него пристально, потом
опускает глаза, видит касу с оставшейся едой)
И не поел-то ничего вдобавок!
Не спишь, не ешь — да как же ты живешь?

Сино

Я пил катык — и сыт вполне.

С и т о р а

Ну да,
теперь катык уж для тебя еда!

Сино

(полушутливо, полусерьезно)
А что? И впрямь! На чем растет младенец?
На материнском молоке! К тому же
отравленных спасают молоком!
Ну, а катык — так и того полезней...
Один табиб промолвил перед смертью,

когда его больные окружили,
рыдая, кто, де, мол, лечить их будет:
«Пусть я умру — катык-то остается!»

С и т о р а
(смеясь)

Да ну тебя — с тобой не разберешь,
когда смеешься ты, когда серьезен...

Сино
Я, матушка, всегда серьезен...

С и т о р а
Ну,
ложись уже... ведь работа не уйдет!

Сино
Работа не уйдет — да мы уходим...
Жизнь коротка до ужаса! Как вспомнишь,
сколь много надо сделать, и сколь мал
отпущенный нам срок... Как тут успеть?
Недовершенное — снег довершит.
Нет, в этом есть какая-то ошибка!

С и т о р а
О, не гневи всевышнего, сынок!
Грех усомниться в мудрости Аллаха...
Язык твой — враг твой! Будь поосторожней.

Сино
(с доброй усмешкой)
О матушка, тревожиться не стоит:
ведь я выбалтываю только вам
души моей опаснейшие тайны...
(другим тоном)

Но впрямь: один лишь лекарь да могильщик
и ведают, как много гибнет юных,
едва начавших жить; или иных,
в расцвете сил и планов, не вкусивших
плода трудов своих... Или детей безвинных!
О, не могу смотреть, как гибнут дети!
Порою от такого пустяка...
Зачем же было им дано родиться?
Расти, внимать, надеяться — зачем?
Не скрою — так мне хочется подчас
воззвать к сему бестрепетному небу:
или не видишь этого всего?
Или ты пусто?..

С и т о р а
О Аллах великий,
прости ему такое богохульство!
Не дай преступным угнездиться мыслям!

С и н о
Ну, полно, матушка... Не столь уж часто
со мной такое: где возьму я время
стоять, взывать, воздевши руки к небу?..

С и т о р а
И напугал же ты меня, сынок!
Хотя и знаю: столько ты добра
творишь, что и святому не под силу...
Благой — твой труд, призвание — святое!
И тысячи людей благославляют
твой ум и руки...

С и н о
Их могло бы быть
и больше, матушка... Опять же — время!

Полжизни — спим. А лишь достигнем точки,
когда себе сказать мы можем сами:
помехи — позади, теперь — трудись,
твори, лечи... ан и конец уже
короткой жизни. Ворон, говорят,
живет три сотни лет, а человек
и до ста не дотягивает даже.
А именуется венцом природы!
Владыкою в вороньем этом мире!
Вот и пойми...

С и т о р а

Да что же ворон — птица.
Всевышний подарил им два крыла —
лети, пари, могуществуй — так нет:
шагни к нему, вспорхнет — и прочь в испуге!
А нам-то крыльев не дано — куда там! —
зато аллах вселил в нас твердый дух,
вот он и воспаряет! Триста лет...
На что тебе, сынок, такая прорва —
махать от страха крыльями три века?
Затем всего один и дан нам век,
чтоб мы его ценили...

С и н о

Мама, мама,
что все богатства книжные земные —
вы главный кладезь мудрости моей,
сокровищница доброты и силы!
Кто в этой Благородной Бухаре
мог так понять меня? И так утешить?
Благодарю всевышнего за то,
что быть даровано мне вашим сыном...

С и т о р а

И-и, пустяки. Любая мать мудра,
когда беда грозит ее дитяти.
Кто я?— простая женщина. А ты
звезда в подлунном мире. Яркий светоч!
А все-таки ложись, сынок... Поспи.

Сино

Поговорим еще немножко, мама.
Мне прибавляет сил ваш добрый голос,
ваш здравый ум! Ведь с кем мне большей
частью
доводится беседовать? С больными —
да с книгами! Вы сами же сказали...
Больные — могут только об одном,
их мысли — с креном, точно судно с течью.
А книжники великие... творцы...
Тот — астроном, тот — врач, тот — математик,
тот — грек, другой — араб, а третий — перс,
индус — четвертый... И любой из них
опять же видит мир в разрезе узком,
и лишь одно усматривает всюду...
Ведь одержимость — тоже как болезнь,
я знаю по себе!.. И так мне важно
взглянуть на мир простым и цельным
взглядом,
подобным вашему!.. Простите, мама,
я задал трудную себе задачу.
Все изучить, что знали мудрецы
когда-либо, собрать все воедино,
и, обнаружив все несовершенства
природы человеческой, все изъяны,
единую причину обнаружить
болезней и безвременных смертей.
И общее найти противоядь!..
Я знаю, это может показаться

превыше смертных сил. Первопричина,
мне скажут, лишь Предвечному известна.

Но, матушка, ужели мы должны
из века в век котятками слепыми
все в то же, в то же тыкаться, вертяться?..

Вот — почему врачуя, наблюдаю,
читаю, думаю, пишу... Порою
в ночи мне брезжит некая заря,
и верю, верю, суть всего — едина,
и только бы домыслить, доискаться,
успеть, успеть... Опять все то же — время!

С и т о р а
(с тревогой)

Загонишь ты себя, как кровный конь,
не знающий удержу в долгой скачке...

Сино
(словно бы не услышав ее, продолжая, как
в горячке)

А рядом, всюду, столько жалкой знати,
не видящей, куда ей время деть,
безжалостной ко всем людским страданьям

Скажите им об этом — засмеются
иль пригрозят; готовы ради смеха
любую гадость учинить, помеху,
погнать больного, высмеять калеку —
как будто им самим не предстоит
в конце концов все та же злая участь.

Но нет — и думать не хотят!..

С и т о р а
(увещающе)

Сынок...

С и н о

Нет, мама, нет, я не могу молчать!
Подумай, если кто-нибудь обрушит
удар неожиданный — Бухаре конец.
Ведь эти все, чуть жареным запахнет,
не станут жизнью рисковать, а тут же
перебегут к врагу, спасая шкуры...
Надвинутся ли с юга газневийцы,
придут ли с севера караханиды,
халифы ли багдадские пошлют
сюда свои науськанные рати —
и рухнет даже наш непрочный мир!
И балки крыш обрушатся в огонь,
и под копытами посева сгинут,
и книги запыхают на кострах,
чтобы смениться варварскою тьмою...
Подумай, мама, я бываю счастлив,
на месяцы одну продливши жизнь
усильями великими. А тут
резня в единый час поглотит тыщи!..

С и т о р а

Сын, замолчи!..

(Пауза)

Пророчества твои
мне душат сердце... Не допустит небо
такого!

С и н о

Вашими б устами...

С и т о р а

О, иншолло!..

Слышится громкий стук в ворота.

Голос Рахмата
Сейчас! Сейчас! Сейчас...

С и т о р а
И среди ночи не дают покоя!

С и н о
Что делать, матушка, болезнь не терпит...
Протирая заспанные глаза, входит Рахмат.

Рахмат
Внук нашего соседа заболел.

С и н о
Ну, что ж, пойду...
(Одергивает одежду, собираясь идти.)

Рахмат
Я сам схожу, учитель!
Не справлюсь — позову вас. А малыш —
скорее всего немного простудился...

Уходит.

С и т о р а
А ты, сынок, иди в покой соседний,
вздремни хоть малость. Ведь они сейчас
пойдут потоком — все твои больные...

Сино уходит во внутреннюю комнату, Ситора начинает неторопливо прибираться, потом останавливается, смотрит в пространство.

Аллах, чего он тут ни напроорочил...

устал... А времена и вправду смутны.
И слухов, слухов...

Вдруг обрывает себя, словно что-то вспомнив, нахму-
рившись.

Как же я могла
забыть... Ну, слава богу, что смолчала.
Три дня назад какой-то мерзкий дервиш
кричал среди базара: «Мусульмане,
день недалек — повесят Ибн Сино,
безбожника, что Бухару марает!»
Меня и затрясло, да удержалась,
не подала и виду. Все гадала,
сказать ли сыну?.. Ну и времена!
Безбожником святого называют!
Ведь он — святой, мой светлый сын Сино...
Пожалуй что не зря у нас в квартале
столь многие наладились в дорогу.
Да только от судьбы не убежишь...
(Молитвенно воздев руки)
Аллах великий, сбереги мне сына!

Входит Рахмат.

Рахмат
Что, лег?

Ситора
Уснул. Ну, как там внук соседский?

Рахмат
Простыл, как я и думал... Весь в жару.
И кашляет... Я дал ему лекарство.

Ситора

Не упустить бы мальчика, смотри.

Единая у старика отрада...

Рахмат

Теперь и вы прилягте, отдохните...

Ситора

Да нет, уж день, куда теперь ко сну.

Рахмат

А я — вздремну, ведь так и клонит набок...

Снова слышен стук в ворота.

Ну вот, еще кого-то принесло!

Теперь пойдут, уже не жди покоя...

Рахмат выходит и почти сразу возвращается, ведя за собой визиря, за которым следуют два вооруженных воина. Увидев их, Ситора вздрагивает в испуге.

С и т о р а

О господи...

Визирь

Салам!

Ситора

(в растерянности кивая головой)

Прошу... входите...

Визирь

Да я вошел уж. Дома ли табиб?

Ситора

Он... малость...

Сино выходит из внутренней комнаты.

С и н о

Дома я, великий визирь!

Алейкум вассалам! Чему обязан?

Визирь

Необходимость привела меня...

Эмир наш тяжело болен — и лежит
на ложе смерти!

Сино

Но ведь при дворе

немало есть прославленных табибов...

В и з и р ь

Да, есть... но средства их не помогли.

Эмира многие уже смотрели
и предлагали способы леченья...

Сино

И что же?..

Визирь

Облегченья не настало.

Сино

На что же жалуется повелитель?

Визирь

На боли в животе. Эмир так стонет,
так страждет,— что смотреть и вчуже
страшно!

Сино
А чем его лечили?

Визирь
Многим... многим!
Святейшими молитвами... больной
глотал их на бумажках; заговором —
причем эмиру дули на живот;
и снадобьями разными... Однако
боль не прошла, а только нарастала.

Сино
И вот теперь, когда она дошла
до крайности, меня позвать решились!
Что ж раньше-то меня не приглашали,
когда с болезнью сладить было проще?..

В и з и р ь
Милейший ибн Сино, ведь вам известно,
как много ходит слухов... разговоров...

Сино
Конечно, мне известно! По базарам
золотари торгуют кучей сплетен,
порочащих и честь мою, и веру.
Завистник сочинит, невежды носят!..
Но неужели этот смрад базарный
доходит до светлейшего престола
и развлекает просвещенный двор?..

Визирь
Сейчас не время это выяснять,
эмир и впрямь в опасности великой.
И я прошу вас позабыть обиды

и следовать за мной...

С и н о

Иду.

Так мне велит священный долг врача,
к тому же вы за мной явились сами...

Визирь

Благодарю.

Сино

У дарственной постели,
надеюсь, мне помех чинить не будут?

Визирь

О нет, вас ждут! На вас там вся надежда!

Поторопитесь только...

Сино

Та-ак. Рахмат,

возьми-ка весь набор ножей, зажимов
и снадобий. Пойдешь со мной!..

Один из воинов

(с подозрением)

Как! Этот?.

Сино

Вот именно. Ведь это мои помощник
и правая рука моя!..

Воин

Нельзя же

пускать любого во дворец...

Визирь
(воину, резко)
Довольно!

Как нужно ибн Сино, так все и будет!
Идемте же, прошу вас, поскорей...

Сино, за ним визирь, за ним Рахмат с сундучком для хирургических инструментов и мешочком снадобий, за ними оба воина — идут к двери.

Ситора
Сыночек...

Сино
Не тревожьтесь ни о чем.

Выходят.

Ситора
(воздев руки)
Аллах великий, береги мне сына!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Одна из дворцовых комнат. Здесь собрались придворные, священнослужители, военачальники, табибы, лечившие эмира. Нервно переговариваясь, они с волнением ждут результатов лечения Ибн Сино. Среди них— Абу Файсал, Ибн Асрор, Каландарий, Камалиддин, Согиндык и другие. У двери, ведущей к эмиру, стоит на часах один из воинов, сопровождавших визиря.

Камалиддин

Аллах, спаси, да что ж это такое!
Пятно на нашей чести!..

Абу Файсал
В самом деле,
является заведомый безбожник,
нас отстраняют, будто мы — не мы,
а трудное лечение поручают
какому-то приспешнику шайтана!..
Ведь если так пойдет — что будет дальше?

Ибн Асрор
Э, не тревожьтесь! Повелитель наш,
увы, в объятых цепких Азраила,
и не безбожнику их разомкнуть.
Посмотрите, как все его лечение
позором для невера обернется...

Каландарий
Вот именно. Сырыми посчитал
пельмени — погодим, пока их сварит...

Абу Талиб
Нет, здесь читалась ясно воля неба!
Кто ж смеет действовать насупротив?
Аллах дает нам жизнь, Аллах отнимает,
и спорить с этим — просто богохульство!

Абу Файсал
Однако ж верным все-таки не верят,
а доверяют тайному шииту...

Ибн Асрор
Да кто его призвал?..

Воин у двери
Великий визирь,
вот кто его позвал!..

Говорившие вздрагивают от неожиданности и продолжают разговор приглушенными голосами, косясь на воина у двери.

Каландарий
Теперь-то ясно...
Ведь нас великий визирь ненавидит...

Абу Файсал
Мы отвечаем тем же!

Абу Талиб
Тише, тише...
Таксыр, здесь и у стен бывают уши...

Каландарий
О мы не из пугливых, мавлано!

Абу Файсал
Уверен: он позвал его нарочно,
чтоб очернить нас!

Ходжа Бурхан
Но эмир-то болен...
Не будь нужды, кто звал бы Ибн Сино?..

Абу Файсал
А вы — молчите!

Ходжа Бурхан
Это почему же?..

Абу Файсал
Ведь вы — кармат! Отступник!..

Ходжа Бурхан
Это ложь!..
Ложь! Клевета!

Абу Файсал
Ничуть не клевета.
Иначе что б вам защищать кармата?..

Ходжа Бурхан
Но он таиб, известный в Бухаре!
Да и не только в Бухаре...

Каландарий
И это
вы говорите нам?!. Какой позор!
Покуда в Благородной Бухаре
такое есть учености светило,
такой достойный и великий лекарь,
как наш Абу Файсал — хвалить Сино,
что фокусы творит взамен леченья,
постыдно!

Ходжа Бурхан
Что тут стыдного?.. Не вижу.
Ну, правда, он идет иным путем...

Абу Файсал
Пусть есть один — покорность божьей воле!
Искусство же леченья — только в том,
чтоб эту волю угадать и ей
способствовать — другой дороги нету!

Ходжа Бурхан

(с оттенком издевки)

Но, может, он угадывает лучше?..

(другим тоном, серьезно)

Вот, говорят, он рассекает плоть,
гнилые части тела удаляет...

Лишь он во всей громадной Бухаре!

Абу Файсал

Вранье такое мы уже слышали!

Хотелось бы увидеть... Это просто
его сплошные хитрости и плутни!

Камалиддин

Да он колдун — и все! Или мошенник...

Ибн Асрор

Скорей колдун! Я много раз гадал,
и каждый раз выходит: Ибн Сино
не человек, а некий дух нечистый!

Абу Талиб

О господи! Всевышний, сохрани!..

Ибн Асрор

И кое-что я разузнал еще —
все к одному одно: его отец —
из рода дэвов, мать же — просто ведьма

Каландарий

Чего же ждать? И шариат велит:
побить, побить нечистого камнями!

Ходжа Бурхан

Ну, что вы городите?.. Все ведь знают
родителей его: отец — из Балха,
а мать —из Афшаны, и на глазах
у нас он вырос, и в такой же вере,
как вы и я! Достойный мусульманин!

А шариат не терпит клеветы
на правоверных... Вы же, Ибн Асрор,
возводите поклеп из чистой злобы,
из зависти!

Ибн Асрор
Завидовать? Ему!
Да никогда...

Камалиддин
Вот вы, Ходжа, ответьте:
дотянул он едва до тридцати,
а говорят, что все постиг науки,
прочел все книги, что на свете есть!
Под силу ли такое человеку?..

Ходжа Бурхан
Но это дар всевышнего особый!
Талант, какой родится раз в века!

Абу Файсал
Талант! Скажите-ка! Особый дар...
Дар мусульманина — покорность, вера...

Согиндык
(вдруг, негромко, мечтательно)
Глядели ль вы хоть раз ему в глаза?..
Похоже, будто теплых два луча
пронизывают вас — и видят ясно
все, что у вас внутри: желудок, сердце,

кишки и легкие... и вмиг определяют,
что и каким поражено недугом...

Абу Файсал
(с особым раздражением)
Довольно тут болтать! Вы что, уже
в глаза ему заглядывать спешите?..

Согиндык
Я — нет... я говорю лишь то, что слышал..

Абу Файсал
Ложь! Выдумки!

Согиндык
Наверно... только я
еще слышал...

Абу Файсал
Что там еще?

Согиндык
Да будто
в саду своем растит он тыщу трав...
Придет больной — Сино сначала в сад
выходит — и на травы смотрит долго.
Глядит и ждет, пока одна из них
качнется, знак подаст. Он ту траву
больному и назначит... И выходит
лекарство от болезни в самый раз...

Абу Файсал
ТЬфу! Он же сам все это сочиняет
и распускает слухи!.. Можно ль верить
столь явным небылицам?..

Согиндык
Я... не верю

Ибн Асрор
А я — готов поверить! Ибо это
о том же все свидетельствует: он
не человек, а сгусток адской силы,
шайтан, что бродит меж людьми! Наш
долг —
изгнать его в безлюдную пустыню!

Камалиддин
Постойте, Ибн Асрор, не горячитесь.
Бесспорно, в нем какая-то загадка,
и нам ее не худо разгадать.
(Согиндыку.)
Что ж вы еще слышали?..

С о г и н д ы к
(как бы нехотя)
Ну, что он
без счета держит дома змей, лягушек,
и кроликов, и даже скорпионов
и режет их, и внутренности смотрит...

Абу Талиб
Аллах великий! Это ж страшный грех —
так мучить божьих тварей!..

Ходжа Бурхан
(ему в тон, саркастически)
Скорпионов!..

Согиндык

Я все это слышал от человека,
который говорил, что видел сам...

Каландарий
(нерешительно)

Я тоже как-то слышал краем уха...
хоть и не верю... Будто Ибн Сино
больному с пораженною кишкой
отрезал часть этой кишки — а вместо
пришил кусок собачьей! И недужный
поправился, стал есть без остановки —
и разжирел, как пес!..

Абу Талиб
Ну, чудеса!
Такое только в сказках и бывает!

Ибн Асрор
(яростно)
Да, если сказки — и шайтан, и сам...
Тьфу, чуть не довели до богохульства!

Ходжа Бурхан
Да, это все, конечно, небылицы,
но есть же тут какое-то зерно,
какое-то грядущих истин семя.
Не зря к нему больные валом валят
и едут даже из далеких стран!
А мы-то все, нет, чтобы приглядеться —
хулу возводим...

Камалиддин
(с иронией)
Но пока мы тут
приглядываться будем, в Бухаре

другим табибам он уж не оставит
ни одного недужного на душу!

Ходжа Бурхан
Чего-чего, больных-то в Бухаре
на всех с избытком хватит...

Абу Файсал
Мне сдается,
забыли вы, зачем здесь собрались...
Мы ждем решения судьбы эмира!

Ибн Асрор
Увы, исход заранее известен:
явись Лукман — и он бы не помог!..

В сопровождении нескольких вельмож входит радост-
ный визирь.

Визирь
Хвалу аллаху вознесем! Эмир
сумел уйти из цепкой сети смерти!
Все потрясены, переглядываются.

Камалиддин
(спохватившись первым)
Какое счастье даровал всевышний!
Да славится...

Абу Талиб и Абу Файсал
(вместе)
Да славится аллах!

Визирь
В честь исцеленья нашего эмира

устроен будет той сорокадневный
всей Бухаре! Да будет этот праздник
услышан и на небе!

Ходжа Бурхан
Иншолло!

Абу Талиб
Да здравствует эмир!

Ходжа Бурхан
Амин! Аминь!

Все
Аминь! Аминь! Всевышнему хвала!

Визирь
Свершилась милость божья! Снова с нами
эмир наш, повелитель правоверных,
защитник наш и светлый покровитель!

Каландарий
Аллах да сохранит его и впередь,
да приумножит силы и богатства!

Визирь
Аминь, аминь... Хоть в радостный момент
упреки могут выглядеть не к месту,
почтенные табибы, не могу
скрыть разочарованья в вас... Когда бы
мы поступили по советам вашим —
не здравицы звучали бы сейчас,
но лишь заупокойные молитвы!..

Табибы и духовные лица в смущении и страхе опус-

кают головы, молитвенно сложив ладони у груди.

Абу Файсал

О господин... мы грешные рабы
аллаха... Мы лишь люди — человеку ж
столь свойственны ошибки...

Визирь

Но ошибка —
ошибке рознь! И та, что обрекает
эмира на смерть — стоит головы,
и не одной!.. Ошибка, говорите...
Но Ибн Сино вмиг распознал болезнь,
и тотчас средство отыскал — и вот
эмир наш избежал объятий смерти!
А ваша ворожба и заклинанья
больному ни на грамм не дали пользы...
Выходит, это он таиб, не вы!

Абу Файсал

Но, господин...

Визирь

Довольно! Нам теперь
ясна причина злобных нареканий
и черной клеветы на Ибн Сино!
Его познания и его искусство
простым сопоставленьем обличают
невежество, убогость ваших мыслей!

Ибн Асрор

О господин великий визирь, вы
не правы, мы отнюдь не клеветали...

Ходжа Бурхан

По мне, так вам бы лучше повиниться.
Я говорил вам: Ибн Сино — звезда
на небе Бухары! Ее лучи
распространятся на земле повсюду!

Входит С и н о в сопровождении Рахмата, у
обоих очень усталый вид. Все собравшиеся кланя-
ются им.

Ибн Асрор
Великий исцелитель, поздравляем!

К а л а н д а р и й
Какой успех!

Камалиддин
Восхищены! Хвала вам!

Сино
Благодарю...
(Визирю.)
Эмир наш крепко спит...

Визирь
О, слава богу!..

Абу Файсал
А нельзя ли нам
узнать, как победили вы хворобу?
Ведь это было бы для нас наукой!

Сино
(просто)
Конечно, можно. Было нагноенье
в слепой кишке, отсюда-то и боли.

Прорвись нарыв — и гной потек бы внутрь,
тогда б едва ли мы спасли больного.
Но мы нарыв сумели вскрыть, а гной
изъять; потом зашили рану
и смазали ее целебной мазью.

Абу Файсал

Но ведь живое тело резать — грех!
И против веры!

Сино

Нас простит всевышний.
Мы согрешили — но спасли эмира!

Визирь

Баракалла! Прекраснейший ответ!

Сино

(Визирю.)

Больного не тревожьте. Нужен сон
и сон. Пусть восстановит силы.
Попозже мы вернемся, и дадим
еще лекарств, и снова смажем рану.
Теперь же нам позвольте удалиться...

Визирь

Еще мгновенье!..

Хлопает в ладоши, слуги вносят сарпо — одежду и
обувь, которую дарят на приемах, и два кувшина;
один с золотыми, другой с серебряными монетами,
кладут и ставят все это перед визирем.

Светлый повелитель
доволен вашей службой!

Собственноручно накидывает на плечи Сино золото-

тканый халат, надевает на голову
мискалевую чалму. Один из слуг то же проделывает
с Рахматом.

Поздравляю
с подарком!
(поворачиваясь ко всем)
И отныне знайте: все,
что связано с делами врачеванья,
вверяется опеке Ибн Сино!

Сино
Благодарю за щедрые дары.
Но, право же, они несоразмерны
моим трудам...

Визирь
О да — ваш труд бесценен:
эмира вы спасли. Какой халат
вознаградит за это?.. Назначаю
вас главным лекарем. Жить вам во дворце...

Сино
Вдвойне благодарю... но эта должность
не для меня...

Абу Файсал
(негромко)
Заносчивость какая!..

Камалиддин
(так же)
Неблагодарный...

Визирь

(Сино.)

Не для вас?.. Не понял!

Сино

Не удивляйтесь, о таксыр, но я
обыкновенный махаллинский лекарь —
табиб для бедняков; забрось я их —
кто им другой поможет в горьких хворях?..
А для дворца всегда врачи найдутся —
и я не откажусь, аллах помилуй!..
Вы только правильно меня поймите:
ведь отвернись я от своих бедняг —
и от меня всевышний отвернется!

Визирь

Ну, что ж... я заставлять вас не хочу...
но, отказавшись от высокой чести,
надеюсь, плату все же вы возьмете?
Указывает жестом на кувшины.

Сино

(со смехом)

Конечно!.. Золото и серебро —
прекрасные помощники табибу!

Визирь

Что ж — мы их в ваши руки отдаем!
Гоняйте их, как слуг, в друзьях держите...
По его знаку слуги ставят кувшины с монетами у ног
Ибн Сино. Ибн Сино кланяется.
Но, может быть, какое-то желанье
имеется у вас?.. Я рад исполнить!

Сино

Да, есть одно, таксыр. Здесь, во дворце,

великая сокровищница скрыта...

Визирь хмурится, недоумевает. Движение среди собравшихся.

Я равной ей не знаю!..

Визирь
Что же это?

Сино
Собранье книг, таксыр, собранье книг!
Когда б к эмирским книгам получил
я доступ...

Визирь
(с облегчением)
Только и всего?.. Для вас
в любое время здесь открыты двери
и сундуки!

Сино
Благодарю еще раз!
Так мы уйдем — и вскоре возвратимся...

Сино и Рахмат уходят.

Визирь
(оглядывая собравшихся)
Эмир уснул... так что вы все свободны!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Ибн Сино. Ситора одна.

Ситора

Что ж он так долго?.. Сердце не на месте.
Теперь, чуть припозднится — мне уже
мерещится проклятый этот дервиш,
вопивший на базаре!.. И когда
жизнь спокойное к нам воротится?..

Входит Сино, в приподнятом настроении, облаченный в подаренный богатый халат, за ним — Рахмат, тоже в подаренной одежде.

Ох, это вы...

Сино

(смеясь)

Да, матушка! Неужто
вы нас не узнаете? Это мы!..

Ситора

(обнимает его)

Сынок, ты жив, благодаренье богу!..
И впрямь ты выряжен, как шахзаде...
Ужель так одарили вас? С подарком!
Да и тебя, Рахмат...

Рахмат

Спасибо вам.

Ситора

А я тут беспокоилась! Боялась,
уж не случилось ли чего...

Сино

Чего?

Эмир был плох — вот мы и задержались.

Ситора

(с поклоном как бы невидимому эмиру)

А как теперь он?..

Сино

Да уж будет жить.

Рахмат

Учитель исцелил его! Извлек
из пасти Азраила...

Ситора

Слава богу!

Рахмат

Великий визирь предложил ему
высокий пост придворного табиба!

Ситора

Сыно-ок...

Сино

(бросив недовольный взгляд на Рахмата)

Я отказался, мама.

Ситора

Ка-ак?

Ты отказался?..

Сино

Рассудите сами,

где я нужней: в сияющем дворце,
где всех больных — один эмир да жены,
а хвори — в основном от несваренья...
или сотням хворых в нищенских кварталах?
Ведь я не евнух и не стражник — врач!
Мой долг — лечить, а не в поклонах гнуться...

Ситора смотрит на него, сокрушенно качая головой.

Напрасно вы так смотрите... Ну, ладно,
не жалко вам несчастных бедняков,
болеющих от тяжкого труда,
от грязи, голода, от нищеты...
так обо мне подумайте хотя бы.
Ведь я забуду там свое искусство,
познания мои без примененья
засохнут, как посевы без полива...
и кончится великий Ибн Сино!

Ситора
Все шутишь?

Сино
Вовек не говорил серьезней!
Да и на что нам эта должность? Разве
вы жить хотите во дворце?

Ситора
Куда мне!

Сино
Ну, вот и все. А сын ваш — не разиня:
отринул должность — а вот деньги принял!

Сино и Рахмат одновременно распахивают халаты и,

как фокусники, ставят перед Ситорой кувшины с золотом и серебром.

Ситора

О, сколько золота!.. Да неужели
в одних руках бывает сразу столько?..

Сино

(с улыбкой)

Бывает, мама! Вы не беспокойтесь,
мы применение ему найдем.
Ведь золото — как снег. Пока лежит,
так кажется, что нет ему скончанья.
Начни же тратить — талою водой
бежит, бежит... и без следа растает!
Долги уплатим давние, заткнем
зияющие дыры наших нужд,
сирот и бедных оделим помалу...
Да! Не забудь, Рахмат, книготорговца!
Мы столько перебрали у него,
а отдали всего-то ничего...

Рахмат

Я помню, помню...

Входит У с м а н - а т а, сосед, низко кланяется.

Усман-ата

Ассалом алейкум!

Сино

Валейкум ассалом.

Усман-ата

Я вам принес

вот эту курицу, сосед почтенный...

Сино
(смеется)
Вот тебе на!

Усман-ата
Вы внука мне спасли...
А курица хорошая, таксыр!
На привязи держал ее у дома,
зерном кормил!.. Сготовите шурпу...

Сино
Ата, спасибо! Но шурпа нужнее
внучонку вашему, поверьте мне!
Попьет малыш — и восстановит силы.

Усман-ата
Но, исцелитель...

Сино
Ну-ка, дай, Рахмат,
почтенному соседу два динара,
пускай порадует свою старушку,
помолится за бедных лекарей!

Рахмат достает из кувшина две золотые монеты,
подает Усману-ата, тот, потрясенный, долго смотрит
на них, потом проводит ими по глазам.

Усман-ата
Впервые в жизни золото в руках...
Да что же это! Вы исцелили внука —
и вы же золотом меня дарите!..
Бог не оставь тебя, сынок, вовеки!

Молитвенно поднимает руки и, пятясь, уходит.

Рахмат
(с улыбкой)

Попробуй вас понять, устод!..
Вчера
от Маллабая приняли барана,
а нынче курица вам — чересчур...

С и н о

У Маллабая не сочтешь баранов,
не говоря уже о нем самом,
а курица у бедного соседа,
как ни подсчитывай, всего одна..
Вот и прикинь теперь, чей дар дороже!
К тому же мы бараном тем накормим
полмахалли, а этой бедной курицы
понюхать всем — и то бы не хватило...

Ситора

Ты прав, сынок... Как Сулейман, ты судишь!
Эге, кто там еще?

Входит Ч у л и - б о б о .

Сино
Чули-бобо!

Уж и не помню я, когда вас видел!
Входите, отахан, мы так вам рады...

Обнимает старика.

Ну, где вы были?..

Чули-бобо

Легче мне сказать,
где не был я... Кзылкум, и Каракум,
и Уртачул, предгорья гор небесных,
долины и ущелья — все облазил.

И реки бурные одолевал,
и мертвые безводные дороги...
Зато насобирал вам кой-чего!

Сино
Прекрасно!..

Ч у л и - б о б о
Что наказывали вы
из разных трав, и сбор Ходжи Исхака —
ровнехонько сложил в своем амбаре...

Ситора
А как семья, Чули-бобо? Как дети?
Как внуки?.. Я вам чаю принесу!

Чули-бобо
Здоровы, Ситора-бану! А чаю —
не хочется. Сейчас пойду... Таксыр,
я жду вас у себя в амбаре.

Сино
Да,
я буду непременно... А пока —
возьмите-ка!

Берег из кувшина несколько золотых монет и дает
Чули-бобо.

Чули-бобо
(изумленно)

Да это же динары!!.
Неужто за пучки сухой травы?!

Сино
За золото, ата, не купишь жизни,
а ваши травы жизнь спасают. Так что
они дороже золотых монет.
Берите, это ваше!..

Чули-бобо
Ну, спасибо.
Не знаю, как вас и благодарить...
Да, я и позабыл, было! Ведь я вам
принес пупки сайгака!
Достает и подает Сино тряпичный сверточек.

Сино
Добрый дар!
Лекарствам многим он добавит силы...

Чули-бобо
Так я вас жду! Прощайте...

Сино
(Рахмату.)
Проводи!

Чули-бобо и Рахмат выходят.

Ситора
Бедняга! Весь, как дерево, иссох,
пустынным ветром обожжен и солнцем!
А ведь скитается ради тебя...

Сино

Ради меня?.. Нет, матушка! Он мог бы
свои гроши иначе заработать.
Иное в путь его толкает — то же,
что полководца гонит на войну
и в море рыбака, что заставляет
в несчетных книгах рыться книгочия,
а твоего покорного слугу —
копаться в человеческих болезнях.
Ах, матушка, его судьба — он сам!
Он жить бы не сумел без этих странствий...

Ситора
(с досадой)

И вечно ты мудришь да рассуждаешь!.. Я чаю принесу...

Уходит, Сино берет из ниши какой-то фолиант, садится на хантахту,
начинает читать. Ситора возвращается с чайником и пиалами,
наливает и
подает сыну чай.

Возьми, сынок! Попей, а скоро будет и обед.
Садится рядом с сыном, смотрит на него.
Ты знаешь дочь соседскую, Марьям?

Сино
(читая, рассеянно)
Ну, знаю...

Ситора
Так пока ты тут возился с больными — она и подросла.
Воспитанная девушка! Красива, добра — и неглупа притом...

Сино
(так же)
Да, да.

Ситора
Да слушаешь ли ты меня?

Сино
Конечно.

Ситора
Так что тебе Марьям?

Сино
А что Марьям?

Ситора
Она тебе по нраву?

Сино
Мне?..

Ситора
Тебе, а то кому же!
Я ведь говорю с тобой,
а не с покойным Зулькарнайном!

Сино
(оторвавшись, наконец, от книги)
Да, да, Марьям — красавица!.. Но я тут причем?

Ситора
Ты в зеркало взгляни: седой уже, а не женат доселе!

Сино
Ну, я пока жениться не могу. Дел выше головы и без того...

Ситора

(со слезами)

Выходит, что ж — мне не дожидаться внуков?..

Сино

Ну, матушка... ну, хоть бы и жениться: причем же здесь Марьям?

Ведь я

ее и не люблю, и глаз моих она, и дум моих не манит... Подождите, подденет же меня на частокол своих ресниц какая-нибудь пери!..

Ситора

Все шутишь, а ведь мне уже, сынок, на шутки времени не остается...

Входит Рахмат, ведя за собой Согиндыка.

Рахмат

Вот этот парень — к вам.

Сино

Кто заболел?..

Согиндык

Пока что все здоровы, слава богу!
Но мой учитель... и хозяин... сам
Абу Файсал... пожаловать вас просит
к нему на добрый той, который он
устроил для почтеннейших табибов
всей Бухары... И к вам меня послал
нарочно — звать на это угощение!

Сино

Конечно, я благодарю за честь,
но, говоря по правде, очень занят...

Согиндык

Но ведь прихода вашего, хаким,

все будут ждать с особым нетерпением!
Ведь вы — почтеннейший на тое гость,
и ваш отказ — горчайшая обида...

Сино
Я посмотрю...

Согиндык
Так я могу сказать:
вы будете?.. Откланяться позвольте,
мне предстоит еще так много дел...
(Рахмату,)

А вы меня, приятель, проводите!
Есть у меня и к вам большая просьба:
пожалуйста с учителем своим
и вы на это наше угощенье!..

Рахмат
Боюсь, ты разболтался чересчур!
Пойдем отсюда...

Ситора
Он придет, придет...

Согиндык
Ах, если бы я мог питать надежду!..

Рахмат
Ну, до чего же ты прилипчив, братец!

Согиндык
Иду, иду... Так приходите — встречу!

Согиндык и Рахмат уходят.

Ситора

Коли зовут — так надобно ийти!

Сино

Мне это, мама, вовсе ни к чему.

Ситора

К чему иль ни к чему — причем тут это!

Славнейшие табибы Бухары...

Сино

Славнейшие?! Глупцы! Головоотяпы!

Собрание бессовестных невежд!

Сидеть и слушать все их пересуды,

и льстивый яд их каверзных

вопросов, и с ними есть за общим дастарханом...

да лучше с псом хлебать из общей миски!

Ситора

Сынок, сынок, так расплодишь врагов,

а как потом сумеешь с ними сладить?..

Чем злей змея — тем надо быть спокойней...

Сино

А может, мне их сторону принять

и с ними заодно шипеть и жалить?..

Ситора

Нет, сохрани аллах! Грех—быть со злыми,

но и впустую злиться — бесполезно;

разумней вызнать замыслы врага,

лицом к лицу с ним встретившись сначала,

чтобы предвидеть все его удары и хитрость

хитростью свести на нет...

Сино расхаживает по комнате взад-вперед, а Ситора некоторое время внимательно следит за ним, стараясь угадать, какое он примет решение.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Богато обставленная комната для гостей в доме Абу Файсала. Снаружи, из сада, доносится шум большого тоя, гомон голосов, звуки музыки. Комната пуста. Несколько секунд спустя входят Абу Файсал, Ибн Асрор, Каландарий, Камалиддин. Все они в подпитии. Следом за ними входит Согиндык.

Абу Файсал
Нет, не придет!..
Решил бы он придти — так был бы здесь уж...
Высочка проклятый! Побрезговал...

Камалиддин
Придет он, дайте срок.

Согиндык
Я так его просил...

Абу Файсал
(желчно)
Могу представить!

Согиндык, потупив глаза, бочком идет обратно к двери и исчезает.

Напрасно мы затеяли все это!
Еще одно в итоге унижение — и только!

Камалиддин

Я прошу, не горячитесь.
Подумайте, какой сейчас момент —
ведь если не придем мы к примиренью,
Сино нас просто разорит до нитки!

Ибн Асрор

А может быть и хуже!

Каландарий

В самом деле, еще погонят нас из Бухары...
Сейчас его звезда стоит высоко:
что скажет он — всему дворец поверит!
И наши судьбы у него в руках...

Абу Файсал

У-у, задушил бы!.. Вор! Вероотступник!

Камалиддин

Ну, ну, еще придет и наше время!..
А вот пока разумнее смириться.

Абу Файсал

И кланяться такому наглецу, молокососу!
До чего я дожил...

Камалиддин

Но вы ведь сами знаете:
эмир к вам благодарности питать не может...
а визирь ненавидит!
Для него в Сино теперь науки средоточье,
искусство врачевания...

Абу Файсал

Почему так медлит величайший Газневи?!

Камалиддин

Молю, таксыр, сдержите ваши чувства!
Такое лучше вслух не говорить...

Абу Файсал

Я в доме у себя!

Камалиддин

И в вашем доме находятся подчас чужие уши...
(понижив голос и сделав всем знак приблизиться)
Я добрым вас известьем подбодрю —
не спрашивайте, кто его принес:
защитники ислама нам помогут!

Ибн Асрор

О, иншалло! Да сбудется!..

Каландарий

Тогда мы восстановим веру и приличья!

Абу Файсал

И воздадим поправшим нашу честь —
и визирю-лжецу, и лжехакиму!

Каландарий

Хе-хе, как ни вознесся Ибн Сино,
а будет вознесен еще повыше,
когда его повесят!

Все

(вместе)

Иншалло!

Все поднимают и складывают руки в молитве,
стороны сада входит Согиндык.

Согиндык
Там гости ждут.

Абу Файсал
Да, да, сейчас идем...
Пойдемте, насладимся нашим тоем.
(Согиндыку.)

А ты постой тут у дверей, авось придет еще —
так проведешь к столу...

Согиндык
Не беспокойтесь, приведу немедленно!

Все, кроме Согиндыка, уходят. Согиндык наливает вина, стоящего на хантахте, выпивает, закусывает фруктами. Входит Сахибджамал.

Сахибджамал
Почтеннейший Сино еще не прибыл?

Согиндык
Пока что нет. Вам нужен Ибн Сино?..

Сахибджамал
Да, я хотела с ним поговорить.

Согиндык
Боюсь, он не захочет...

Сахибджамал
Ну, а вам-то чего бояться?

Согиндык

Да ведь ваша честь не безразлична мне!

Сахибджамал
Вот как!

Согиндык
Конечно.
Вы дочь славнейшего Абу Файсала,
а он — учитель мой... и господин.

Сахибджамал
За честь свою я постою сама,
а вам о ней заботиться не стоит.

Согиндык
И очень даже стоит!
Разве вы уже ее не ввергли в испытанье?
Красивой, честной девушке — самой
с чужим мужчиной добиваться встречи!

Сахибджамал
Послушайте...
Ведь вы мне не отец, не брат, не сват —
так по какому праву вы здесь
читаете мне наставленья?

Согиндык
(мрачно, торжественно)
Есть право у меня, аллах свидетель!
Вы сами знаете, зачем я здесь —
в чужом, неблагодарном вашем доме!
Лишь ради вас... Я все готов терпеть,
все выполнять, всему повиноваться —
лишь только б заслужить ваш добрый взгляд,
улыбки вашей милостивой лучик!

Любовь колодками меня согнула —
уйти и распрямиться не дает.
Есть право у меня, аллах свидетель,
заботиться о вас...
Но где же, где и милосердие,
и справедливость?!.

Сахибджамал
Я вам достаточно понять давала,
что не сыщу в себе ответных чувств.
К чему же вновь...

Согиндык
Нет, буду вновь и вновь!
Меня, как волк, преследует любовь,
остановиться мне нельзя!..
И если любви я вашей не смогу добиться,
так заслужу у вашего отца,
чтоб мне вас отдал в жены!..

Сахибджамал
Никогда!
Пусть высохнет река, пусть рухнут горы,
но никогда — вы слышите?— не будет,
чтоб сделалась я вашею женой!
Поймите же — вы мне презренной пса,
каких Сино для опытов кромсает!

Стремительно выходит из комнаты.

Согиндык
(один, с гримасой боли)
Проклятье! Сколько яда...
Пусть отсох бы змеиный язычок твой,
прежде чем смертельно жалить страждущее сердце...

Слышны шаги. Лицо Согиндыка снова делается услужливо
безразличным,
он выходит и мгновение спустя возвращается вместе с Сино.

Сино
Но здесь же никого!..

Согиндык
Все там, в саду, Сейчас им доложу — и приведу.

Уходит в сад.

Сино
(один, оглядываясь)
Здесь так красиво... сладко...
Как в постели после часов тяжелого труда...
Похоже, Ибн Сино, и в самом деле
расслабиться полезно иногда?..
Но дело ждет, хаким почтенный!
Или девиз забыли:
«Отдохнем в могиле»?..

Из сада входят Абу Файсал, Камалиддин, Ибн Асрор,
Каландарий, за ними — Согиндык.

Абу Файсал
Добро пожаловать к нам, Ибн Сино!
Мы заждались, изныли в нетерпении...

Камалиддин
Пожалуйте, великий исцелитель!

Ибн Асрор
Мы рады вам!

Каландарий
О да, безмерно рады!

Камалиддин
Такая честь воссесть с великим рядом!

Ибн Асрор
Ведь вы и впрямь мудрец из мудрецов,
ученый из ученых!
Сам Лукман вернулся в вашем облике на землю...

Камалиддин
(Абу Файсалу, тоном легкого упрека)
А вы боялись — не придут они!
Вот видите, пришли...

Абу Файсал
Хвала аллаху!
Пожалуйста, садитесь вот сюда —
почетнейшее место...

Сино
Нет, прошу, рассядемся,
как нам велит обычай, по старшинству...

Садится внизу, потом с поклонами рассаживаются остальные,
Согиндык разливает всем вино.

Абу Файсал
Прошу вас, угощайтесь!

Камалиддин
Почтенные! У нас сегодня праздник —
ведь с нами сам великий Ибн Сино!

Так выпьем же во здравие его
целительную эту жидкость!

Сино

Право, благодарю — но я не заслужил...

Все пьют.

Отменное вино! Я, признаюсь,
давно уже не пробовал такого!

Ибн Асрор

(наливает ему еще вина)

Тогда отведайте еще немного...
Ведь этот сок афшанских дивных лоз,
воистину, целебнее лекарства!

Сино

(поднимая пиалу, с улыбкой)

Афшанский сок дозволен шариатом!

Все смеются, пьют снова.

Камалиддин

Баракалла! Мы малость снарядились,
теперь застолье может выйти в путь!

Каландарий

(Сино)

Мы знаем — среди ваших дарований
есть дивный дар поэзии!
Быть может, вы нам прочтете новую газель?..

Сино

Я этим в юности своей грешил,

а нынче времени не остается.

Ибн Асрор

Так, может быть, сыграли б на танбуре?
Ведь говорят, что вы великий мастер,
мотивы сочинять, лелеять струны...

Сино

Простите, о почтенные,
но мне сдается — мы собрались не затем,
чтобы читать стихи и слушать песни...
Нам с вами есть о чем поговорить.
Не так ли?..

Абу Файсал

Что ж, вы правы, о мудрейший!
И я имею к вам один вопрос.
Когда б вы соизволили ответить...

Сино

Конечно, я отвечу, коль смогу.

Абу Файсал

Как вытерпел эмир,
когда ему вы резали живот?
Или его вы до беспамятства заколдовали?

Сино

О нет, я не владею колдовством,
и в ворожбу не верю!..
А эмиру я просто дал снотворный порошок.
Когда эмир уснул и предо мною
бесчувственный лежал — нарыв мы вскрыли..
Так наш больной избег сильнейшей боли,
да ведь и гной мы удалили весь.

Потом снотворного иссякла сила,
эмир проснулся, мы смягчили боль
от ран целебной доброй мазью...
и это все.

Абу Файсал
Но это против веры — живое резать!

Сино
(со скрытой усмешкой)
Как же вы тогда спешите воинов благословить,
что рубят, рубят, топчут по живому?..

Камалиддин
Но воины сражаются за веру!

Сино
И я, представьте, тоже.
Человеку единственная жизнь дается небом,
чтоб верил он в могущество творца.
И если я спасаю эту жизнь,
то, стало быть, и веру!.. И не меньше,
чем доблестные нукеры с мечами!

Абу Файсал
Как вольно вы толкуете ислам!..

Сино
Таксыр, я не толкую... я врачую!

Каландарий
Позвольте же спросить вас как врача:
какую вы считаете болезнь тягчайшей в мире?..

Сино

Легких нет болезней, тягчайшие же те,
что губят душу: предательство и зависть,
лицемерье и вероломство...

Абу Файсал
Это что — намек?!

Камалиддин
Почтеннейший, сдержитесь...

Сино
Нет, какой еще намек: спросили — я сказал...

Каландарий
Я не об этом спрашивал!..

Сино
Тогда
простите — я не понял...

Камалиддин
(стараясь разрядить напряжение)
Ну, зачем напрасные вопросы и ответы?
Не мучьте гостя...
Это ведь не диспут, а час отдохновенья!
И к тому же — о чем нам спорить?
Мы ведь все — табибы, и дело у нас общее,
и цель — мы действуем во славу Бухары!

Ибн Асрор
(подхватывая)
Вот именно! Прекрасные слова!
Что может быть разумнее единства...

Сино

Что до меня, я был бы только рад,
когда бы клевету сменила помощь...
Но выйдет ли?

Каландарий
(поспешно)

Мы все вас уважаем, и ценим ваши знания,
и готовы у вас учиться многому...

Сино

Да я извлек почти все знания из книг...
А книги так же и для вас открыты!
Мне кажется, что должно различать
неведение с невежеством.
Одно всего только незнание.
Другое куда страшнее — нежеланье знать!
Неведение учится у знания,
невежество его сгубить стремится,
ведь знание ему мешает жить!
Так что для них единство невозможно —
как для огня с водой!

Камалиддин
(выбираясь из молчания)

Однако... мы используем и воду, и огонь,
берем свое от каждого! Не так ли?

Сино

Конечно, так.

Но если говорить о разнице в системах врачеванья —
тут для меня быть выбора не может.
Я должен знать, как действует лекарство —
и не могу давать взамен его эзик-ички,
простой клочок бумаги,
растертый и размешанный с водой!..

Абу Файсал

(кричит)

На том клочке начертана молитва!
Для вас молитва, стало быть, ничто?!
Безбожник!

Сино

Нет, я вовсе не безбожник.
Я верю в мощь молитвы. Той, что мы
от сердца полного возносим к небу.
Но уж никак не той, что мы глотаем,
дабы она прошла через желудок!..
Путь к небу не лежит через кишки!

Камалиддин

Прошу вас, Ибн Сино, не выходите за рамки,
чтобы не пришлось потом раскаяться...

Сино

А я уже и так раскаиваюсь — что пришел сюда.

Камалиддин

Мы вам протягивали руку дружбы...

Сино

Да, и в сопровожденьи! лстивых слов,
которыми, увы, меня не купишь.
Как ложь любая, мне противна леть,
и как с силками в душу мне ни лезьте —
не попадусь, пока — основа чести —
в душе моей живая совесть есть!

Абу Файсал

Гордыня вас погубит! Да, гордыня!

Сино

Что ж, может быть. У всех — своя судьба.

Камалиддин

Нас много — вы один.

Едва ль поверят вам — а не нам.

И сил у нас еще достаточно!

Сино

Не мне угрозы бояться.

Со мною — правда, совесть и аллах!

Каландарий

Покайтесь, Ибн Сино, пока не поздно!

Сино

Покаяться могу я только небу,
а каяться перед невеждой — грех!

Абу Файсал

(поднимаясь, в ярости)

Я говорил — напрасная затея!

Довольно! Нам его не образумить!..

Идемте в сад, а гость наш дорогой
пускай отыщет лучший путь домой!..

Проводишь, Согиндык...

Все, кроме Сино и Согиндыка, уходят в сад.

Сино с улыбкой смотрит им вслед.

Согиндык

Не обижайтесь...

Сино

Мне — обижаться?.. Не-ет!
Ведь гнев невежды для посвященных — похвала...
Теперь по крайней мере буду я избавлен
от лести их, что укрывает жала...

Согиндык
Но вы ведь сами жалите словами — почище змей!
(Голос Абу Файсала)
Ты где там, Согиндык!..

Согиндык
(громко)
Иду, иду!
(Сино.)
Простите...

Сино
Ничего.
Я как-нибудь и сам найду дорогу...

Согиндык уходит в сад, Сино направляется к противоположной двери. Из внутренних покоев появляется Сахибджамал, она взволнована.

Сахибджамал
Хаким... хаким...

Сино
(оборачиваясь)
Вы это мне?

Сахибджамал
Да, вам...

Сино

Для дома этого — я не хаким!

Сахибджамал
Вы — величайший в Бухаре целитель!

Сино
Вот тебе на! Неужто все сначала?..
Вы кто, красавица?

Сахибджамал
Я — дочь Абу Файсала.

Сино
Зовут вас как?

Сахибджамал
Меня?.. Сахибджамал...

Сино
А вам и впрямь к лицу такое имя.

Сахибджамал
Конечно, вы не знаете меня... Но я...
поверьте, все трактаты ваши прочла я от
начала до конца... Все, что вы написали...

Сино
В самом деле?
Как только вам они не надоели!

Сахибджамал
Не смейтесь надо мною, о хаким!
Я — ваша преданная ученица, пусть и заглазно!
Знаю все благие свершенья ваши — то,
что чудесами зовут, но что, я знаю,

простое дело рук ваших, знаний, дивного чутья...
И столько времени мечтой моей было увидеть вас!..
О, если б вы мне разрешили брать у вас уроки —
уроки врачеванья!..

Сино
Вы и вправду хотите стать табибом?

Сахибджамал
Всей душой!

Сино
Но женщинам как будто не пристало
занятье это... Ибо перед нами
больной готов раскрыть все тайны тела!..

Сахибджамал
Поверьте, я готова ко всему!

С и и о
Ну что ж, я тоже вас готов учить...
но ваш отец не разрешит вам это!

Сахибджамал
Я разрешенья выпрошу...
ведь вас и при дворе зовут столпом науки!

Сино
(мягко)
Боюсь, он все-таки не согласится...

Сахибджамал
Тогда... тогда я убегу из дому!

Сино

Но это ведь позор для вас...
А если узнают, что причиной я —
и мне не сдобровать.

Сахибджамал
Я не могу иначе! На весь свой век—
я пленница науки!
И людям я хочу служить, как вы.
Страдания облегчать, дарить здоровье...
другого смысла в жизни я не вижу!

Сино
По правде говоря, я поражен!
При вашей красоте... рискуя всем...
такую долю выбрать! Для мужчины —
и то она порою не под силу.
Ведь в ней себе и не принадлежишь,
а лишь чужим болячкам, стонам, мукам...
Я был бы счастлив вас учить всему,
что знаю сам! И только сожалею,
что даром Рудаки я не владею —
петь славу вашим чарам и уму!

Сахибджамал
О, не бросайте топлива в костер, учитель...

Сино
Дверь моя для вас открыта

Сахибджамал
Благодарю, учитель! Я приду...

Сино, поклонившись, уходит.

О ангелы, промолвите «аминь»—

да сбудется все то, что прозвучало!
Но что там впредь ни будет — о аллах,
благодарю за радость этой встречи,
за страсть, одолевающую страх,
за счастье услышать эти речи...

Согиндык, разъяренный, распахивает дверь из сада и входит.

Согиндык
Бесстыдная!

Сахибджамал
(вздвогнув от неожиданности)
Подкралась, как змея...
Подслушивали?.. Как вы только смели...

Согиндык
Как я посмел?!
Нет, как посмела ты — перед чужим мужчиной...

Сахибджамал
Не чужой он мне — он как махрам мне,
как святой...

Согиндык
Ну, то-то ж перед ним ты изливалась!
Но я тебе не дам к нему сбежать... Не дам!
Не для того я пресмыкался годами в этом доме —
ученик или слуга, и сам не разберу —
чтобы после всего тебя украли,
как лошадь, из-под носа увели!..

Сахибджамал
Да кто вы тут?!
Вот вы — и есть чужой!

Не смейте же...

Согиндык

Я смею, смею, смею!

Свои права уже я объяснил,
и я не отступлюсь от них вовеки!
Чтоб ты ни делала, ни говорила...
Отец тебя отдаст мне!

Сахибджамал

Я не вещь,

не кошелек с деньгами, не овца!
И вашей — я не буду никогда!

Согиндык

Но и ничьей другой... Ты слышишь?..
Слышишь? Я... я убью тебя!

Сахибджамал

Ну что ж, убейте.

Но если мы и встретимся за гробом,
я точно так же плюну вам в лицо.

Согиндык

(плача, становится на колени)

О, пожалей! Ну, пожалей меня...
Мир без тебя — зиндан! Средин ада!

Сахибджамал

Нет жалости во мне, как и любви.
Вы мне противны...

Согиндык

Почему-у?.. Скажи!..

Я знаю... Знаю! Он всему причиной.

Его ползущая повсюду слава,
что волочится вслед за ним в пыли,
как длинная за дервишем веревка;
его самоуверенные речи;
его презренье к женской красоте...

Сахибджамал

Вы говорить не смеее о нем,
вы — жалкий червь пред тополем могучим!

Согиндык

Червь, источив, и валит тополя...
Ну, ничего! Узнает твой отец —
и с вас двоих — живых — он шкуру спустит!..

Входит Абу Файсал с посохом в руке.

Абу Файсал

Что за шум? В чем дело?

Согиндык

Ваша дочь имела здесь беседу с Ибн Сино...

Абу Файсал

О че-ем?..

Согиндык

Она просила,
чтобы он давал ей впредь уроки врачеванья...

Сахибджамал

Предатель низкий! Негодяй!..

Идет к дверям.

Абу Файсал

(громовым голосом)

Постой!

Решилась ты... со злейшим из врагов...
с губителем отца...

Сахибджамал
Он вам не враг!

Абу Файсал
Молчи! Закрой свой рот,
коль потеряла ты совесть без остатка...

Согиндык
Ваша дочь и посетить собралась Ибн Сино.

Абу Файсал
Что-о!..

Согиндык
Я слышал: они договорились...

Абу Файсал
Да я тебе переломаю ноги!
Живьем зарюю!!.

Сахибджамал
Что ж, копайте яму!..
Не то я выполню все, что решила.

Абу Файсал
(тихо, зловеще)
И ты не чувствуешь своей вины?
И не раскаиваешься?..
(кричит)
Прочь!

Я дочери отныне не имею!
Тебя я проклинаяю! Прочь!..

Сахибджамал
Отец!..

Абу Файсал в ярости поднимает посох и бьет Сахибджамал. Она поднимает правую руку, чтобы перехватить посох, занесенный для второго удара, и удар приходится ей по руке.

О! О! Моя рука...

Согиндык вдруг бросается к Абу Фансалу и вырывает у него посох.

Согиндык
Да вы ее убьете так!..

Абу Файсал
И ты туда же?! Ты-ы?!
Все прочь из дома этого! Немедля!

В ярости выходит. Согиндык глядит вслед Абу Файсалу, потом робко подходит к постанывающей Сахибджамал, всем видом выражая желание ей помочь.

Сахибджамал
Прочь от меня, предатель! Скорпион!
Не подходи!..

Согиндык
Но я хотел помочь..

Сахибджамал
Мне помощи такой уже довольно!

Ты сделал все, что мог!
Теперь иди — кусай других!..

Придерживая левой рукой правую, выходит.

Согиндык
Постой! Сахибджамал!..
(один)
Других... когда б я замечал других...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Комната в доме Ибн Сино. Рассвет. Сино спит на тахте с книгой в руке — заснул, читая. На ковре лежит еще несколько раскрытых книг, догорает свеча, стоит чернильница, лежит бумага, калам. На одной из стен горит светильник, и в двойном свете пробивающейся сквозь занавес зари и светильника появляется полупризрачная фигура Азраила в облике Абу Файсала. Она снится Ибн Сино. Сино поднимает голову, потом садится.

Сино
Ты кто? Абу Файсал?..

Азраил
Я Азраил!

Сино
Не шутишь ли?

Азраил
Да нет — какие шутки...
А облик я могу принять любой!

Сино

Но как же мне дано тебя увидеть —
ведь я еще живой?..
Или за мной явился ты?

Азраил

Не за тобой пока что.
Ты можешь успокоиться: к тебе...

Сино

Ко мне? Вот как!.. Ты, значит, заболел?

Азраил

(с досадой)

Еще чего? Чему во мне болеть?
Мог сам уразуметь — ведь ты ученый...

Сино

Ты прав... Но я ума не приложу,
с каким ко мне пожаловал ты делом.

Азраил

А мог бы догадаться: мы с тобой
и до сих пор встречались много раз,
и мне казалось, что меня ты чуешь...

Сино

А!.. Да, конечно...

Азраил

Понял, слава богу.
Ведь ходим мы по общим адресам,
где я — там ты,
где ты — там я частенько...
Но слишком часто

стало так случаться,
что я оттуда ухожу ни с чем,
где ты изволишь побывать!
Скажи, зачем мою законную добычу
ты раз за разом рвешь из рук моих?
Ведь люди уж привыкли — если я являюсь,
то надежды бесполезны...

Сино
Как видишь, нет!..

Азраил
И долго будет так?

Сино
Всегда, пока я жив!..

Азраил
И не боишься?
Когда-нибудь приду и за тобой!

Сино
Ты страшен только издали!..
Скорее ты сам меня боишься...

Азраил
Жалкий смертный! Как смеешь ты...

Сино
А вот, как видишь, смею.
Я слишком часто побеждал тебя,
и потому я думаю о жизни,
не о тебе. О жизни многих тысяч,
которым я здоровье возвратил,
которых я спасу еще...

Азраил

Все эти красивые слова — тверди не мне.

Я их не понимаю. А вот ты
поймешь мои, когда пробьет твой час.
И, может быть, не так уж он далек...

Сино

Я не глупец, чтоб торопиться в яму!

Азраил

А вот об этом уж тебя не спросят!
Желания твои тут не причем...

Сино

Неправда... Сила воли человеческой
мощней тебя. Ведь сердце человека
полно не меньших тайн, чем глубь Вселенной.

Я видел, как все силы истощив,
оно все новые в себе находит!
Ты кто?— палач! Ударил — и готово.
Ты с жертвами бороться не привык.
А человек — он борется всю жизнь...
С бедой, с врагами и с самим собой...

Ему немного надобно помочь,
хоть малость самую — и он восстанет
со смертного одра, в последней схватке!..

Вот роль моя, вот цель моя и суть:
я помогаю жизни человеческой в борьбе с тобой.

И ты меня не свалишь до срока,
как подрубленный чинар!

И буду всюду там, где ты.

И даже когда мой бранный прах ты бросишь в яму,
все, что я сделаю, все, что оставлю —
стеною встанет на твоём пути!

Ты надо мною не восторжествуешь —
ты, злобный дэв, кому ведь все едино,
ребенок пред тобою или старец,
ослепший пес или джигит цветущий,
богач всесильный, жалкий ли бедняк...
Но, недоступный чувству милосердья,
ты — страх изведал! Ты меня боишься...

А з р а и л
(хрипло)
Что? Ха-ха-ха...

С и н о
Да, я люблю людей, и жизнь, и этот мир.
Моя любовь не знает страха.
Вот тебе и страшно!..
Проваливай же! Прочь, о Азраил!..

Светильник гаснет. Азраил исчезает в полутьме. Услышав крик Сино,
из внутренних покоев выбегают Ситора и Сахибджамал в ночных
одеждах.

Сино, снова опрокинувшийся было на подушки, просыпается,
поднимается
на тахте, смотрит на женщин недоумевающим взглядом.

Ситора
Что здесь стряслось, сынок?.. Чего кричал?

Сино
Кричал?..

Ситора
Да! Мы на крики прибежали!..
Не заболел ли?

Сино

Нет, здоров как будто...

Сахибджамал

Быть может, вам приснился страшный сон?

Сино

Да, да, пожалуй... Да, я вспоминаю...

Забавный сон!

Ситора

И что тебе приснилось?

Сино

О, сразу и не вспомнишь... и не надо.

Ситора

А так кричал, что мы проснулись разом,
да и сюда, в чем есть... Сахибджамал,
пойди оденься!..

Сахибджамал

(глянув на себя)

О, аллах великий!

Убегает.

С и н о

Да, матушка, я видел жуткий сон...

Читал — и не заметил, как заснул...

Встает, выходит. Ситора убирает постель. Сино возвращается,
вытирая
лицо полотенцем. Из внутренней комнаты выходит Сахибдажал с
касой в руках.

Сахибджамал
(Сино)
Вот вам катык.

Сино
Спасибо...
(пьет)
Хорошо!
Как будто все нутро помолодело...

Ситора
Пойду-ка завтрак приготовлю.

Сахибджамал
Может, я сделаю?

Ситора
Да нет уж, я сама.

Выходит.

Сино
Ну, как рука? Не поутихли боли?

Сахибджамал
Конечно! Когда лечит Ибн Сино,
и мертвый оживает, говорят...

Сино
(вздрагивает при этих словах Сахибджамал, словно она подслушала
его сон)
И мертвый оживает?.. О, как странно,
что вы сейчас мне это говорите...

Сахибджамал
(она ничего не заметила)
Не я, а люди молвят!..
В самом деле, вам равных нет
в лечении переломов!

Сино
(с улыбкой)
Вылечиваю тоже ведь не я, а мумиё!..
А ну-ка, дайте руку...
(ощупывает место перелома)
Да, все срослось действительно прекрасно.
Хотя — прошло уже немало дней!
Как время мчится... Только что, сдается,
вошли вы в этот дом — а между тем
ушло уже три месяца с тех пор.

Сахибджамал
Три месяца... а каждый равен году
моей минувшей жизни! В первый раз
я обрела достоинство людское,
и жизни смысл... открыла для себя
великую науку врачеванья!

Сино
Ну, врачеванье знает много тайн,
так быстро их не исчерпать!
Работы еще довольно, надо затянуть
потуже поясок, Сахибджамал...

Сахибджамал
О, я пришла к великому Сино
и верной, и прилежной ученицей —
и я готова рыть иглой колодец...

Сино

Вот это разговор уже другой!

Входит Рахмат.

Рахмат

Там к вам какой-то человек из Балха.
Больной, должно быть... ждет в мехмонхоне.

Сино и Рахмат выходят.

Сахибджамал

Минуты он не ведает покоя
и не отказывает никому,
не чувствует брезгливости к больным,
с чем ни придут к нему...
Спаси, аллах, его и от беды и от заразы!

Неожиданно, осторожно ступая, входит Согиндык.

О боже мой... да вы откуда здесь?

Согиндык

Прости меня, Сахибджамал... Не бойся!

Сахибджамал

Я... вовсе не боюсь...

Согиндык

А я пришел пристанища просить...
Как ты ушла —
меня отец твой вовсе затиранил.
Кричал, что я всему виной — не мог-де
сберечь тебя от злого наважденья!
И бил, и поносил... А после выгнал.

Два месяца повсюду я скитаюсь,
работы нет... приюта нет нигде...
И вот пришел сюда. Поверь, давно
моя надежда жаркая зачала —
и смолкла страсть: насильно мил не будешь...
Коль разрешишь — слугой тебе я буду,
позволишь — братом названным твоим,
но только сжался, не гони меня!

Сахибджамал
Я рада, что ты сердце образумил,
но чем же я могу тебе помочь?
Ведь я сама здесь — только ученица...

Согиндык
О, если б ты могла сказать Сино,
чтоб и меня в ученики он принял!
Ты знаешь, я хотел табибом стать,
и ум готовил к этому, и руки...
Поверь, доверья я не обману!

Сахибджамал
А вдруг не согласится?

Согиндык
Попроси!..
Сино тебе, конечно, не откажет...

Сахибджамал
Попробую...

Согиндык
Попробуй, о сестра!
И отслужу я всей своею жизнью...

Входят Сино и Рахмат и, увидев Согиндыка, останавливаются в удивлении.

Сино
Вот гость неожиданный!..

Сахибджамал
(торопливо)
Он пришел просить...

Согиндык
(не дожидаясь конца ее фразы, падает перед Сино на колени)
...взять вашего слугу в ученики!

Сино
Эй, встань!.. Я не терплю таких привычек!
Что это за приниженность? Ведь ты
не в рабство просишься ко мне — в науку!

Согиндык
(поднимаясь)
Простите, так учил Абу Файсал...

Сино
И почему ты от него ушел?

Согиндык
Он сам прогнал...

Сахибджамал
Из-за меня, учитель.

Согиндык
Поверьте, не из-за нехватки рвенья!

Рахмат

(насмешливо)

Да это уж мы помним...

Сино

Рвенье — рвеньем, а врачеванию ты обучался?

Согиндык

Кое-чему меня учили там...

но я готов все снова, все сначала!

Я голову имею на плечах,

а не пустой котел,

и руки тоже работают...

К тому же есть во мне немножко колдовства:

могу змею заговорить,

и скорпиона я взглядом завораживаю!..

Сино

(смеясь)

Ну, нам колдуна как раз и не хватало!

Поди-ка с ним, Рахмат, пускай покажет,

на что он годеи!

Рахмат

Ну, пошли — посмотрим на это чудотворство...

Рахмат и Согиндык уходят.

Сино

(Сахибджамал)

Ну, как, прочли, что я просил?

Сахибджамал

Конечно.

Сино
А Беруни прочли?

Сахибджамал
О да, и вижу —
вы говорили истинную правду...
Его читаешь — словно бы плывешь
в огромном море сведений, но он,
как опытнейший мореход, выводит
корабль к цели, к нужным берегам!

Сино
(удовлетворенно)
Да, это так... Сегодня в нашем мире
никто с ним не сравнится из ученых!

Сахибджамал
Ну, кроме вас!..

Сино
О нет, я не смею
равняться с ним! Он обнимает мыслью
не узкую какую-нибудь область,
но всю неслыханную сложность мира...
Абу Райхан велик! Я лишь мечтать
могу о столь божественном уме...
Недавно он, в поездке из Хорезма
в Гурган, остановился в Бухаре —
и вот тогда я с ним и свел знакомство.
Он гостем был моим — и ночевать остался до утра...
Ночь напролет мы с ним и спорили, и говорили.
Я до того читал его немало —
и все-таки был снова изумлен.
Быть может, мысль его порой дерзка,
и забегает наперед — затем,

чтоб, неких сведений не дожидаясь,
уже построить общую картину...
Но он в конце концов бывает прав,
вот в чем его величье! И как я
порой болезнь узнаю нутрянную
по прыщику на коже — так и он
в мозгу своем из разрозненных фактов
сложить умеет целое! Недаром
он так и в космографии силен.
И, кстати, он согласен с Аристархом:
не солнце движется вокруг земли —
земля вокруг солнца!

Сахибджамал
Это как же так?
Его мы утром видим на востоке,
а вечером на западе... Оно же
воочью движется по небосводу!

Сино
(с улыбкой)
Но ведь когда мы едем по дороге,
то разве неподвижные предметы
назад не убегают?..

Сахибджамал
В самом деле...

Сино
В природе много сложностей, которым
находятся простые объяснения.
Зато немало есть простых вещей,
привычнееших — а вдумайся немного,
окажется решительное чудо!
Ну вот, мы знаем... холод все сжимает,

а нагревание расширяет все.
Но ведь с водою-то — наоборот!..
Она, замерзнув, ширится в пространстве,
рождая лед — и силой расширения
чугун, как тряпку, рвет!.. Откуда в этой
субстанции, столь мягкой и покорной,
берется вдруг неслыханная сила?..
Ведь чудо же!.. И Беруни в беседе
вас просто засыпает чудесами —
это как скачка по стране волшебной!
Я восхищаюсь памятью его,
отвагой мысли, мудростью решений —
и чувством справедливости! Да, да,
путь у нас — общий, цель у нас — одна,
и я горжусь с ним жить в одном столетии!..

Сахибджамал

Абу Райхан велик, но вы, учитель,
себя не принижайте рядом с ним.
Вы — две звезды на небесах науки...

Сино

(словно не слыша ее слов)

О нет, до звезд, увы, нам далеко!
Ведь я — происхождения земного:
отец — из Балха, мать — из Афшаны...
(смеется)

Но мой наставник первый, Абдаллах
Нотилий — тот прославленный философ,
что мне открыл начала всех наук —
сказал мне как-то: «Все, что ведал я —
теперь ты знаешь тоже. Для тебя,
однако, это не предел. Твой ум
стократ пыливей моего — и зорче!
К пятнадцати ты помнил весь Коран,

а к тридцати — весь этот мир постигнешь!
Тебе дано Аллахом слишком много,
чтобы ты мог осесть на полпути...
Не останавливайся на дороге!»
С тех пор я и иду своим путем...
Нелегким, как и всякий путь познания!..

Сахибджамал
Неужто все вы открывали сами?

Сино
О нет, на свете было много мудрых!
Но жемчуг их рассыпан. Я ж хотел бы
снизать его в сверкающую нить!
Я ценное стараюсь брать у всех...
Философов, историков, врачей,
географов и славных геометров,
у путешественников и поэтов,
алхимиков и знатоков камней,
сухих ботаников и звездочетов,
у мастеров, что смешивают краски,
кудесников, что ведают металл...
Учитель мой был и Хаджи Исхак,
знаток целебных трав и собиратель.
С покойным лекарем Камарийджином
я хирургию изучал, ходил
ночами с ним на кладбища,
вскрывая трупы, чтобы изучать
строенье человеческого тела,
немые тайны нашего нутра...

Сахибджамал
(в ужасе)
Но это ж — грех! Противно шариату!..

Сино

(с улыбкой)

Да, то же говорит и ваш отец...

Сахибджамал

Простите, о учитель...

Сино

Не в прощеньи

тут дело — в пониманьи! Неужели
всевышний дал глаза — для слепоты,
а ум - для повторенья? Повторять
умеет и безмозглый попугай!..

Что, страшно ночью разрывать могилы?..

Конечно, страшно! Если кто увидит —
камнями забросают, сволокут
на виселицу... Но пути другого
увидеть, что внутри у человека,
пока что нет у нас! А как лечить
вслепую?.. Да, пути познания
порой полны кошмаров. Смельчакам —
охотникам за истиной — грозит
смерть, и позор...

Вдруг замечает на лице Сахибджамал невольный испуг,
растерянность, бледность.

Да вы совсем бледны!

Сахибджамал

Я — ничего, учитель, ничего...

Сино

Нет, хватит на сегодня этих страхов.

Поговорим о чем-нибудь другом!..

Иль, может быть, сыграю на танбуре?
Спою газель — и получу ответ...

Сахибджамал
О, это было б здорово!

Сино
Ну, что же...

Берет танбур, настраивает, начинает наигрывать нежную мелодию, потом, глядя на Сахибджамал, запекает на эту мелодию свою газель.

(поет)

В руках твоих — счастье мое,
ты мне его кажешь нечасто.
Ты здесь — и в цвету моя жизнь,
когда исчезаешь — несчастна.
В ночи ты мне светишь луной,
а днем — ты мне солнцем сияешь.
Уходишь — и гаснет мой свет,
и рвет мою душу на части.
Минута свиданья с тобой —
моих упований вершина,
а миг, когда прочь ты спешишь —
страшнее последнего часа.
Как сладок цветов аромат,
когда ты окажешься рядом,
но как безуханен цветник,
когда твои очи умчатся!
От радости сердце дрожит,
когда ты посмотришь с улыбкой,
когда ж безразличен твой взор,
отчаянью сердце причастно.
Что жизнь дорога мне, лишь ты —
единственная причина,

не то бы давно поспешил
со смертью лихой повстречаться...

И кос и очей колдовство
меня притянуло магнитом,
зато без тебя лишь печаль
на сердце ложится печатью.
Лишь ты — все богатство земли!

Сино без тебя обнищает...
О, если б решилась со мной
веки ты не разлучаться!

Кончив газель, Сино продолжает наигрывать на танбуре,
и тогда со своей газелью вступает Сахибджамал.

Сахибджамал

Вы — жизни невянущий цвет,
встающая в травах весна,
взошедший над миром рассвет,
что высветил душу до дна.

Разлука мне сердце язвит,
недуг мой — тоска расставанья,
а лекарь единственный — вы,
лишь вам моя жизнь отдана.

В любой из негаданных встреч
меня одаряете счастьем,
и полните мысли, и речь
и все мои чувства сполна.

В полете ли — вы мне крыла,
в дороге ли — вы мне отчизна,
нас жизнь неразрывно сплела
на вечные времена.

Стремительно движется жизнь,
но всюду вы рядом со мною,
и попусту груз не лежит —
ведь вы мой помощник и нар!

Верна ваша Сахибджамал,
и что б наперед не случилось,
какой бы огонь ни сжигал —
останется так же верна...

Сахибджамал кончает петь свою газель, мгновение спустя и Сино отпускает струны. Некоторое время они сидят молча, глядя друг на друга и как бы не в силах отвести глаза.

Сино
(негромко)

Как сладок твой язык... и взгляд очей...
Мне кажется, когда тебя я вижу,
что создана всевышним ты нарочно —
мой взор, и слух, и сердце усладить...
И стать твоя... и облик — таковы,
как будто это я тебя замыслил —
и сделана по моему заказу...
Другого для меня и быть не может!
Мне страшно даже и вообразить,
что было б, если б я тебя не встретил...

Сахибджамал

Но это я ведь отыскала вас!
И отыскала б все равно — пусть позже
на день, на два... Нас сотворил аллах
из одного куска небесной плоти,
создал друг для друга!

Сино
Так пускай
не разлучат нас ввек! Сахибджамал!..

Входит Рахмат, за ним — Согиндык. Словно почувствовав царящую в комнате атмосферу, оба останавливаются в замешательстве.

Пауза. Сино, после паузы, говорит другим тоном.

Ну, как, Рахмат, наш новый ученик?

Рахмат

Как будто ничего. Кое-что знает...

Сино

Ну, слава богу.

Рахмат

И ловкач к тому же!

Согиндык

(кланяясь)

Вы будете довольны мной, клянусь..

Сино

Еще есть что-то у тебя, Рахмат?

Рахмат

Да, о учитель!.. Там, в мехмонхоне,
к вам человек от визиря: у них
внезапно заболела дочь!..

Сино

(встает)

Тогда иди бери немедленно инструменты
и снадобья—отправимся!..

Рахмат выходит.

Согиндык

Учитель... позвольте вас сопровождать и мне...

Сино

Ну, что ж, иди, поучисься...

Согиндык

Спасибо!

Входит Ситора.

Ситора

Куда ты, сын?..

Сино

Дочь визиря больна — просил придти.

Ситора

Храни ее аллах!

Отец у ней — достойный человек...

Скорее бы домой вы воротились!..

Сино

Вернемся, мама.

Сино, а за ним Согиндык выходят.

Ситора

Как они из дому — так на сердце тревога.

Отчего — сама не знаю...

Сахибджамал

Матушка, не бойтесь!

Аллах благословил его пути,

аллак и сохранит его в дороге.

На благо нам — и тысячам недужных!

Ситора

Ох, доченька, твоими бы устами...

Смотрит на нее с нежностью.
Будь только все спокойно, все здоровы,
а осенью уж я вам той устрою!

Сахибджамал
(застенчиво прижимаясь к Ситоре)
Да сбудется желанье ваше это...

Ситора
Единственное у меня, клянусь!

Поспешно входит Чули-бобо.

Чули-бобо
Где Ибн Сино? Где лекарь?..

Ситора
Во дворце...
Сейчас ушел, вы чудом разминулись.

Чули-бобо
Ах, как нехорошо...

Ситора
(в панике)
Да что стряслось?!.

Чули-бобо
Ну, говорят, что войско Иликхана
подходит к Бухаре — и разный сброд
(лазутчики, наверно) сеет слухи,
мутит народ: мол, двор эмира, визирь
и кое-кто из наших мудрецов
передались безбожникам-карматам,
предали веру...

Ситора
Сохрани аллах!

Чули-бобо
Уже шумят в соседней махалле,
неровен час, покажут на табиба,
а недругов-то у него довольно...

Сахибджамал
Но и друзей немало тоже!..

Чули-бобо
Э,
уж ежели начнется заваруха —
друзья попрячутся, как тараканы!

Ситора
Да что кочевники-то? Далеко?..

Чули-бобо
Никто не знает толком.
Может быть, и это просто слух...

Ситора
(в ужасе)
А если правда —
опять резня, пожары, груды мертвых?..
Пропала Бухара! О, мой Сино,
лишь только бы вернулся поскорей!..

Сахибджамал
(дрожа)
О матушка, ужель так может быть?
Еще ведь неизвестно...

Ситора
(не слушая)
Мой Сино!..

Бобо, хоть вы нам помогите!..

Чули-бобо
Да, я помогу. Я соберу йигитов...
А вам бы надо прочь из Бухары,
не теряя даром времени!..

Чули-бобо уходит. Доносится отдаленный шум.

Ситора
Аллах, какая нас опять беда постигла!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Та же комната в доме Сино. Ночь. Издалека слышны шум, плач,
выкрики.
Сино. Ситора, Сахибджамал, Рахмат тревожно прислушиваются.

Сино
Бедняги... Плач их так и рвется к небу,
а что изменишь? Смерть страшна любая,
но дочку потерять в пятнадцать лет...

Ситора
И матери всех тяжелей!..

Сино
Но в чем

причина этой смерти? Ведь болезнь
таким исходом вовсе не грозила!..

Ситора
Судьба, сынок.

Сино
Не слишком ли мы много
ошибок покрываем этим словом!

Сахибджамал
Ошибок?..

Сино
Да. И в этот раз, я знаю,
какая-то моя ошибка стала
ее судьбой! И юная краса
лежит, простертая, в холодной яме...
О, что за ужас!..

Ситора
Не казись, сынок.
Ты столько спас! И если даже тут
была ошибка — ты ведь не Всевышний!
Все люди ошибаются, сынок...

Сино
И пусть все ошибаются — но я...
я не имею права на ошибку!
Я врач... таиб... Ко мне приходят с тем,
что человеку только оаз лается:
с живою плотью, жаждущей спасенья!
Мне доверяют раненую жизнь.
комок надежд подстреленных,
обломок

идущего ко дну существования.
И от меня зависит — дать им шанс
иль подтолкнуть к порогу вечной ночи.
Я, Ибн Сино, не смею ошибаться!..
И как все получилось... Бедный визирь
в меня так верил, так глядел... а я...

Вбегает Чули-бобо.

Чули-бобо
Вы здесь?!. Ну, слава богу... Я боялся,
что вас остановили где-нибудь...

Сино
Сядьте, бобо.

Чули-бобо
Да уж какое «сядьте»!
Я еле к вам пробрался. Махалли
заполнены людьми: кишат, как черви.
Весь город в трауре...

Сино
И я — причиной!

Сахибджамал
Не наговаривайте на себя!

Ситора
Молчи, сынок, молчи!..

Чули-бобо
Да уж чего там.
И без того ведь все о том вопят.
Муллы кипят от ярости, твердят,

что вы шайтан, безбожник, и что благо
тому, кто закидает вас камнями.
Мол, дочка, визиря не зря погибла:
не вынесла нечистых ваших рук...
Вам надо ехать прочь из Бухары,
на сборы — миг, а лошади готовы!

Шум извне нарастает, приближается, все прислушиваются в ужасе.
Вбегает Согиндык.

Согиндык
(задыхаясь)
Учитель!.. Спрячьтесь!.. Там толпа у дома!

Сино
Рахмат, закрой ворота!

Рахмат выбегает.

Согиндык
Говорят, на вас ужасно гневается визирь...
Вот-вот придут вас увести в зиндан...
а там повесить! Надо поспешить!
Я выведу вас тайными ходами из города...
они мне все известны!

Сино
Не суетись!

Чули-бобо
Он верно говорит!

Согиндык
Муллы еще науськивают всех!..
Мол, вы-де дочке визиря нарочно

вместо лекарства дали страшный яд!

Ситора

О боже, милостивый, справедливый!

Сахибджамал

Какая дьявольская клевета!

Сино

(неожиданно оживляясь)

Как, как ты говоришь? Ей дали яд?..

А это ведь возможно!..

Ситора

(машет на него руками)

Что ты! Что ты!

Сино

Да, да, и как я раньше не подумал!
Могли ведь, да, могли подсунуть яд,
чтобы только вызвать все это...

Но кто, кто это сделал?..

Согиндык тихонько выходит.

И какая жалость,

что не сумел я тело осмотреть...

Я сразу бы заметил!

Чули-бобо

О аллах,

да разве в мире мыслимо такое!..

Сино

Но кто у визиря был после нас?

Что за таиб?.. Иль кто-то из придворных?..

Рахмат возвращается.

Рахмат
(мрачно)

Ворота запер и подпер шестами...

Сино
(женщинам)
Идите внутрь дома.

Ситора
Но, сынок...

Сино
Идите, мама!

Ситора и Сахибджамал уходят во внутренние комнаты.

Кто же это был?..

Нарастает шум приближающейся толпы, слышно,
как в ворота ударяются камни, бьют палками.

Чули-бобо
Все, опоздали! Я же говорил!

Сино
Бобо, не огорчайтесь! Будь что будет.
И запросто они нас не возьмут,
Рахмат, неси оружие сюда!
Где Согиндык?..

Согиндык

(появляется в дверях)
Я здесь!.. Я здесь, учитель!

Сино
Иди — Рахмату помоги.

Согиндык
Сейчас!

Убегает, немного погодя появляется вместе с Рахматом:
они несут меч, щит, лук со стрелами, палицу, кинжалы.
Все мужчины вооружаются. Показывается дым.

Рахмат
Нас подожгли!..

Сино
Сперва спасаем книги!
Их надо вытащить на задний двор!
И рукописи все... Пусть все горит,
но книги!..

Чули-бобо
(негромко, ворчливо)
Книги, книги...
Самим спастись — и то бы чудо было...

От ворот доносится какой-то новый шум: удары плетей, звон мечей, крики страха или боли, топот разбегающейся толпы.
Шум стихает, раздается громкий стук в ворота.

Рахмат
Ну, кто-то к нам пожаловал...

Сино

Взгляни!

Чули-бобо

Аллах, оборони от новых бед...

Рахмат уходит. Слышно, как тяжело отворяются покосившиеся, видимо, ворота. Рахмат возвращается — и вводит визиря в сопровождении телохранителя и, вооруженных мечами.

У визиря вид больного человека.

Сино

Словом, таксыр... Я очень удручен...

Визирь

Салом, Сино... не надо извинений...

Сино

Но до сих пор понять я не могу,
в чем промах мой... и что я упустил...

Визирь

Нет, нет, Сино, вы тут не виноваты.

Уж так аллах решил... Что человек
поделать может? Надобно смириться,
терпеть... Аллах дает — аллах берет...

Мне очень жаль, что этот скорбный случай
дал повод для невежд, для злобной черни
и вас чернить и подстрекать народ.

Вас многие желали бы уничтожить!..

Когда об этом сообщили мне,
я взял людей и поскакал к вам.

К счастью, не опоздали мы...

Сино

Амир великий,

я вас вдвойне благодарю — не только
за избавленье наше, но за ваше
столь редкое на свете благородство!
Я этого вовеки не забуду —
и лишь вдвойне терзаюсь оттого,
что вас — не смог я убересть от горя...

Визирь

Совет мой вам — покиньте Бухару!
Ведь ваши недруги все больше злятся,
все больше яду копят, жаждут крови.
Какой-нибудь они отыщут случай —
не нынче, значит завтра! И к тому же
захватчики почти что на пороге...
Я донесенье получил вчера,
что конница Махмуда Газневи
уже отсюда в двух-трех переходах.
Ворвись они — я должен буду тотчас
бежать, иначе мне и всем моим
не убережься от позорной смерти!
И в Бухаре едва ли кто найдется,
готовый вам помочь... В моей беде
я не виню вас, Ибн Сино. Прощайте!..

Сино

И вы прощайте, о великий визирь!..

Обнимаются. Визирь с телохранителями уходит.

Чули-бобо

Вот человек! Забыл про горе, траур —
и вас пришел от напасти спасти...

Сино

Да, редкий человек... Теперь, похоже,

такой уж не печет тандыр небесный!
Однако, надо в самом деле ехать...

Чули-бобо
Еще бы!

Рахмат
Да и медлить нам нельзя.

Сино
Все так, да только дело есть еще —
не сделав, не могу его оставить,
иначе не сыщу успокоенья...

В дверях появляется Согиндык, прислушивается. Его не замечают.

Чули-бобо
Какое дело?..

Сино
Мы сейчас пойдем на кладбище...

Чули-бобо
Сейчас? Посреди ночи?
Аллах спаси вас, лекарь! Для чего?

Сино
Я должен выяснить причину смерти
той девушки...

Чули-бобо и Рахмат переглядываются.

Рахмат
Её ж похоронили!

С и и о

Затем мы и на кладбище пойдем!..
Я должен тело осмотреть — увидеть,
есть на нем пятна яда или нет...

Чули-бобо
(в ужасе)

Да вы в своем уме ли, о таибб?!
Разрыть могилу! Это ж смертный грех!
Скажи, Рахмат...

Рахмат мрачно молчит.

Сино

Грех это, или подвиг —
я должен это сделать! И к тому ж я
все на себя беру...

Чули-бобо
А кто узнает —
что будет?! И особенно — муллы...

Сино

(пожав плечами)
Известно что! Застигнут — так побьют
каменьями!.. Да ведь про наш поход
лишь мы и знаем. Да, где Согиндык?

Рахмат
Вертелся здесь. Наверно, во дворе...

Согиндык скрывается.

Сино

Ему бы тоже знать о том не надо.

Не дай бог, скажет матери... Ну, ладно.
Рахмат, возьмешь лопаты, инструменты...
А лошади — готовы, бободжан?

Чули-бобо
Готовы, лекарь...

Сино
Ну, тогда пошли!

Сино, Чули-бобо, Рахмат выходят. Несколько мгновений сцена пуста.
Потом из внутренних комнат выходят Сахибджамал, за ней —
Ситора.

Сахибджамал
И в самом деле, нету никого!

Ситора
(тревожно)
Так мне же и слышалось — уходят.
В такую ночь — и то покоя нет.
Уж мог бы отказаться! Нет, пошел...
Спасибо, визирь разогнал толпу!

Сахибджамал
А за окном-то как черно... и страшно.
И где-то не смолкает шум, и вопли...
и словно хохот чей-то временами.
И как они на улицу решились!

Ситора
Мужчины, дочка... Ты уж не дрожи —
вернутся вскоре. И хоть бы сказали,
куда идут...

Сахибджамал
Вам лучше лечь поспать.

Ситора
И ты поспи!..

Сахибджамал
Я тоже лягу, после...
Ко мне и сон, пожалуй, не придет.
Я читаю — мне учитель задал немало...

Ситора
Ну, а я пойду и вправду
поспать немного... что-то я устала...
Ты разбуди, коль что!

Сахибджамал
Не беспокойтесь!

Ситора уходит во внутренние комнаты. Сахибджамал садится около хантахты, берет книгу, придвигает свечу и начинает читать. Снаружи по-прежнему доносится отдаленный шум. Некоторое время спустя, тихо входит Согиндык.

Согиндык
(шепотом)
Сахибджамал, ты здесь одна?..

Сахибджамал
Одна...
А где учитель и Рахмат?..

Согиндык
(с кривой улыбкой)
Они — на кладбище!

Сахибджамал
(невольно вздрогнув)
Чего ты болтаешь?..

Согиндык
(хихикнув)
На кладбище, я правду говорю!

Сахибджамал
(ей жутко)
Ты, верно, не в себе!

Согиндык
Да, это верно!
Я не в себе. В тебе — вся жизнь моя,
и мысли, и надежды...

Сахибджамал
Ты — опять?!
И как тебе не совестно! Ведь ты
моим назвался братом!.. Если брат
своей сестренке говорит такое,
так лучше уж в могилу лечь живым...

Согиндык
В могилу ляжет кое-кто другой.
Забудь, что говорил я поневоле —
нет, я тебе не брат, Сахибджамал!
Во мне не гасла страсть, и не бледнела,
а тем же пламенным горит костром!
Сегодня мы покинем Бухару,
дни сочтены ее! Здесь будет завтра
побоище, резня, пожары, смерть!
Но нас они уж не застанут. Мы уедем...

Сахибджамал

Нет, с тобою — никуда!

Будь проклят ты! Да гнить тебе в могиле!

Согиндык

О госпожа! Не слишком возносись...

Любовь моя — меч обоюдоострый.

Послушайся, прими меня... не то
на том же самом кладбище ты ляжешь,
что и твой драгоценный Ибн Сино!

Сахибджамал

Ты лжешь, он жив!..

Согиндык

Пока что, может, жив,
но уж вот-вот умрет... Его черед
настал!.. Я был здесь как лазутчик,
да, да! Я только ждал момента,
чтоб нанести удар исподтишка.
Я дал девчонке яд!

Сахибджамал

О горе мне!

Согиндык

Теперь-то твой возлюбленный табиб
могилу разрывает — хочет видеть
отравленное тело... Ха-ха-ха!
Но я уже послал туда людей...

Сахибджамал

Убийца подлый!..

Согиндык
Может быть. Зато —
я одолел соперника!.. И нынче
уж ты со мной пойдешь... Пойдешь! Немедля!

Сахибджамал
Не-ет...

Согиндык
Слушай. Я клянусь в последний раз,
последней страшной клятвой. Я тебе
готов быть не хозяином — слугой...
Рабом! Покорным псом!..
Все, что прикажешь —
я выполню. Чего не повелишь —
о том я и подумать не посмею...
Я буду только следом ног твоих,
водой, что ты польешь себе на руки!
Лишь будь со мной. Ты только будь со мной!
Другой такой любви ведь ты не встретишь,
на все готовой...

Сахибджамал
Не-ет... такой любви
не надо мне... Уйди, палач презренный!
Уйди, проклятый кат! Прочь с глаз моих!
О матушка! Скорей сюда! Вставайте!..

Согиндык
Ах, вот ты как...

Выхватывает из-за пазухи кинжал и несколько раз,
такт выкрикам, ударяет Сахибджамал в грудь.

Не мне! И не ему!

И никому!

Сахибджамал
(хватаясь рукой за грудь и падая)
На помощь!.. О... на помощь...

Согиндык убегает. Поспешно входит Ситора, видит лежащую окровавленную Сахибджамал.

Ситора
О-о, доченька!.. Да кто ж это тебя?!

Опускается перед ней на колени, хочет осмотреть раны.

Сахибджамал
(слабея)
Нет, матушка... меня уже убили...
проклятый Согиндык... он дал и яд
той дочке визиря...

Ситора
О горе, горе!..
Но потерпи, пока придет Сино!
Он вызволит, он исцелит...

Сахибджамал
Да нет же... он сам в беде...
на кладбище бегите... скажите,
что сейчас туда придут... о-ох...
(умирает)

Ситора
(плача)
Бедное дитя! Дочурка... дочка-а...
А мой Сино?.. На кладбище!.. Бегу!

Бегу, бегу... о боже милосердный...

Осторожно опускает голову Сахибджамал на ковер, целует ее,
накрывает
головным платком, поднимается, идет к двери, воздевая руки.

За что же это нам, скажи аллах!..

Выходит.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кладбище. Ночь. Луна — то выходит из-за туч, то скрывается.

Покачиваются кривые сучья тяжелых, раскидистых деревьев.
Слышится то уханье филина, то другие таинственные ночные звуки.
Смутно виднеются надгробия, на одном горит, подрагивая на ветру,
свеча. За этим надгробием Сино и Рахмат, засучив рукава, возьматся,
по-видимому с трупом. На переднем плане стоит могильщик и Чули-
бобо. Могильщик стоит спокойно, опираясь на кетмень, Чули-бобо
явно напуган, то и дело оглядывается по сторонам. Сино и Рахмат
выходят из-за надгробия.

С и н о

Все! Можешь закопать... И побыстрее.

Могильщик

(он, по-видимому, навеселе)

Сейчас исполним... В самом лучшем виде.

Никто не подкопается, хе-хе!..

Скрывается за надгробием со свечой, и дальше его голос слышен из-
за надгробия.

Как я зарюю, так она и будет

лежать не шелохнувшись... Мертвецы —
они народ спокойный... Не бунтуют,
не требуют, не плачут. Хоть пинай,
хоть бей их!..

Чули-бобо
Не болтай, берись за дело!

Могильщик
Да я уже взялся...
(с натугой)
э, бобо,
а ну-ка, подсобите...

Чули-бобо с опаской заходит за надгробие.

Ну, вот так.
Теперь пойдет... а вам, бобо, спасибо,
уж я-то вас в один прекрасный день
похороню по высшему разряду!

Чули-бобо
Э, ты не каркай!

Могильщик
А чего тут каркать!
Смерть так и так придет, как ни крутись!..
Я правду говорю, хозяин?..

Сино
Да!
Ты только, братец, там поторопись...

Могильщик
А как же!.. Тут ведь главное — сноровка...

Подайте-ка кетмень, бобо! И заступ...

Слышно, как бросают землю. Сино и Рахмат выходят на авансцену.

Сино

(печально)

Вот все и прояснилось... Кто же мог
дать этот яд?..

Рахмат

(мрачно)

Кто, как не Согиндык...

Сино

С чего ты взял?

Рахмат

Да так уж... полагаю.

Сино

Ну, тут догадок мало.

Рахмат

Он все время

вертелся там вокруг больной и нас.

Миг улучил, да и подсыпал яду...

Сино

Но почему же непременно он?

Рахмат

А кто еще? Не я ли?..

Сино

Тоже скажешь!

Но там были и слуги, и родные...
Родные-то, конечно, нет — но слуги...

Рахмат

А слугам-то зачем?.. Да это он!
Не зря же он ученик Абу Файсала!
Да и с чего иначе б он сбежал?

Сино

Мог просто струсить...

Рахмат

Мне бы его встретить!
Своими бы руками придушил!

Сино

Теперь хоть знаем, что вина не наша.

Выходят могильщик и Чули-бобо.

Сино

Помолимся... Хотя уж сотни лет
на сотнях языках молились люди!..
По мне, между молитвой и мечтою
еще должно быть дело... труд, борьба!

Моя дорога такова, бобо:

без устали бороться, без корысти
против невежества, насилья, гнета...

Во имя вдов бездомных и сирот,
или безвинных узников в зинданах,
или безвестных тружеников в поле,
калеченных работой непосильной,
во имя всех, кто, мучаясь весь век,
до смерти утешенья не получит...

Как и во имя славных удальцов,

кто ради блага общего идет
наперекор опасностям и смерти!
Клянусь: я жребий выбираю тот...

Издаലെка доноситея женский голос, взывающий: «Хусайн!
Хусайн!»—
и мгновение спустя появляется Ситора — с распущенными волосами,
задыхающаяся от бега.

Ситора
Сынок... сынок!.. Ты здесь... А я боялась...

Сино
Да что случилось, мама?

Ситора
Там... сюда...
идут... толпа... муллы... вы уходите!

Сино
А где Сахибджамал?

Ситора
Она... там... дома
(плачет)

Сино
С ней... что-нибудь?

Ситора
Нет... ты беги... беги!

Сино
Где Согиндык?

Ситора
Проклятый враг! Лазутчик...
он.... дочке визиря дал яд... убийца!

Рахмат
О негодяй!

Сино
Он сам сказал об этом?
Кому? Сахибджамал?

Ситора
Да, ей...

Сино
И что она? И почему осталась дома?..

Ситора
Потом, сынок, потом... Беги скорей!..

Сино
Да как я вас оставлю?..

Ситора
Ничего...
не тронут нас... охота — за тобой!..

Чули-бобо
Послушайте, таксыр! Поторопитесь!
Смотрите, вон они уже идут!..

Вдали между деревьями мелькают огни факелов.

Сино
Останься с женщинами, Рахматджан!

Вы, матушка, себя поберегите...
(обнимает мать)
Присматривайте за Сахибджамал!

Ситора
(плача)
Да, да, сынок...

Рахмат
Мы вас найдем!

Чули-бобо
Бежим!

Могильщик
Пойдемте, тут есть тайная тропинка...

Сино, Чули-бобо и могильщик уходят. Шум толпы приближается.
Слышны крики.

Голоса:
—Хватайте осквернителя могил!
—Безбожника держите!
—Окружайте!
—С живого кожу снимем!
—Закопать!
—Побить его, проклятого, камнями!

Ситора
О боже, сохрани его...

Ситора и Рахмат отходят к правому краю сцены. Слева врывается толпа,
в передних рядах ее Абу Файсал, Ибн Асрор, Камалиддин,
Каландарий,

другие муллы и дервиши.

Голос
Сюда! Он где-то здесь!..

Абу Файсал
Где он, исчадье ада?

Ситора
(выступив вперед)
Исчадье ада — ты! А он — святой!

Абу Файсал
Ты кто еще такая?!

Ситора
Мать Сино!

Абу Файсал
И где твой сын шайтана?..

Ибн Асрор
Ну, колдунья?..

Каландарий
В какой его ты спрятала могиле?

Ситора
(она вдруг обретает некое грозное спокойствие)
Ищите! Вы, собаки...

Абу Файсал
Говори!! Убьем, коли не скажешь!..

Поднимает посох, чтобы ударить Ситору.

Ситора

Ну, ударь!

Я мать — ударь меня! Ведь и тебя
не ядом мать вскормила — молоком!

Ударь ее!

(кричит)

Топчи ее ногами!!.

Абу Файсал опускает посох, пятится.

Абу Файсал

Проклятая тигрица...

Из-за толпы выбегает Согиндык.

Согиндык

Все и вся

мы обыскали! Нету! Он сбежал!

Абу Файсал

(злобно ударяя посохом о землю)

Но мы должны его найти!..

Камалиддин

Догнать, схватить его...

Согиндык видит сидящего в углу сцены Рахмата и направляется к нему.

Согиндык

Да вот его помощник!

Его первейший, лучший ученик!

Сейчас он все и скажет...

Где Сино?

Рахмат

А что — скажу!.. Он там, куда тебе
веки не достичь... Тебе, убийце!

Предателю!

Согиндык

Да ты...

Рахмат стремительно выхватывает из-за пазухи кинжал и ударяет
Согиндыка
в грудь. Согиндык, хватаясь руками за воздух, падает.

О-о, умираю...

Мгновение все остаются в растерянности.

Абу Файсал

(приходя в себя)

Да что ж это... Ведь он убил беднягу!..
Хватайте же его!

Несколько человек бросаются к Рахмату.

Рахмат

(обнажая кинжал снова)

С дороги! Прочь!

Кто жизнью дорожит — долой с дороги!..

Все отступают, Рахмат стремительно бросается в темноту и исчезает.

Абу Файсал

За ним! В погоню все! Поймать его!

Не то и следа Ибн Сино не сыщем!

Все в суматохе убегают.

Ситора

(одна)

Нет, не поймать вам! Улетел мой сокол!
Вам, скользким тварям, не поднять и глаз
туда, где свет возносит он высоко,
навек ярко озаривший нас!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Между четвертым и пятым действиями прошло много лет.
Роскошный дворец
эмира Шамса-уд-Даули. Эмир восседает на троне, пред ним казначей
Тадж-ул-Мулк и хас-хаджиб Зульфикар.

Тадж-ул-Мулк

Купцы, ремесленники и дехкане
и всяческая городская чернь —
достаточно внесли в казну налогов.

Теперь и золота и серебра
у вас, о мой эмир, вполне довольно,
чтобы выплаты произвести...

Зульфикар

Давно пора платить и воинам, и страже!

Шамс-уд-Даула

Что ж, Тадж-ул-Мулк, вы казначей —
и вам всем этим и распорядиться надо.
Мое согласие здесь ни к чему...

Тадж-ул-Мулк

О мой эмир, вы — сама щедрость!
Вы — само великодушие...

Шамс-уд-Даула
Покороче!

Тадж-ул-Мулк
Беда вся в чем: хоть казначей и я,
ключ от казны — в руках у Ибн Сино!

Зульфикар
А он — ничьих не слушается слов,
как если б ханом был иль падишахом...

Тадж-ул-Мулк
Все так, все так... И сей беглец бухарский
здесь все дела прибрал к своим рукам.
Иные шепчут: стало непонятно,
кто здесь правитель — он или эмир...

Шамс-уд-Даула
Кто это шепчет? Да и вам зачем
и слушать и распространять наветы?..

Зульфикар
О мой эмир, тут дело не в наветах,
а в сути положенья. Ибн Сино
и впрямь обрел чрезмерное влиянье.
Да и почет его велик в народе!
И вашей власти, о эмир пресветлый,
тем самым явный нанесен ущерб...

Шамс-уд-Даула
(несколько поколебленный)
Но я затем его ведь и назначил

великим визирем, чтоб весь народ
питал к нему высокое доверье!..
И разве все в стране не изменилось?
Вы сами говорите, что налоги
казну исправно полнят... И к тому же
Сино высоким одарен умом
и разбирается во всех делах —
в судьбе людей и в судьбах государства...

Зульфикар

Все это так, но разве это значит,
что он собой вас должен подменить?

Тадж-ул-Мулк

Он выполнил свое предназначенье,
что вы, эмир пресветлый, угадали —
и хватит с нас его...

Зульфикар

Теперь он только
мешает в государственных заботах.
К примеру, он и слышать не желает
о войнах, видите ли!.. Но возможно ль
такой стране, как наша, жить без войска?
Не быть готовой к вражеским вторженьям?..

Тадж-ул-Мулк

Эмир пресветлый, вам пора его
убрать с поста высокого — не то
дела страны опять придут в упадок!
Одной учености и благородства
правителю державы слишком мало...

Зульфикар

Да, да, он вроде книжника из худжры...

Тадж-ул-Мулк

Его бы сунуть в золотую клетку,
как птицу редкую — и в дар послать
хотя б тому ж Махмуду Газневи!..

Шамс-уд-Даула

Да, вы, похоже, надо мной смеетесь!..
Ведь Газневи убьет его... А он —
табиб мой, дважды спас меня от смерти!

Тадж-ул-Мулк

Конечно же, эмир мой, это шутка...
И разве мы подсказывать посмеем?
Но просим вас принять моления наши —
избавьте нас от власти Ибн Сино.
Мы видеть вас хотим своим эмиром!

Зульфикар

И ваши повеленья исполнять...

Тадж-ул-Мулк

Иначе нас от должностей увольте.

Шамс-уд-Даула

Я, право, и не ждал от вас такого...
Я Ибн Сино ценю... и вас не меньше.
Не надо торопиться! Я сейчас
попробую с ним сам поговорить.

Шамс-уд-Даула хлопает в ладоши, появляется придворный слуга.

Просить ко мне немедленно Ибн Сино!

Слуга с поклоном удаляется.

Зульфикар
Напрасные труды, эмир пресветлый...

Тадж-ул-Мулк
Он не прислушивается к увещаниям!

Шамс-уд-Даула
Но я эмир! И он им внять обязан!..

Тадж-ул-Мулк
Когда б себя не ставил выше вас...

Шамс-уд-Даула
А, небылицы! Это вам все мнится...

Зульфикар
Возможно... но, увы, великий визирь
так дерзостно упряма...

Тадж-ул-Мулк
... и так готов
стереть любого в пыль, кто не согласен
с его решеньями...

Зульфикар
... что даже
и клеветой не брезгует, коль надо
честь запятнать высокой нашей знати!..

Шамс-уд-Даула
Ну, вот и он! Сейчас поговорим.

Неторопливо входит Ибн Сино, с обильной сединой в бороде и
волосах,

в одежде визиря. Низким поклоном приветствует эмира. Тадж-ул-
Мулк,
согнувшись в три погибели, кланяется Ибн Сино с угодливой
улыбкой,
Зульфикар, напротив, едва наклоняет голову и глядит исподлобья.

Сино
Салом алейкум, мой эмир.

Шамс-уд-Даула
Прошу — садитесь здесь!

Указывает на место по правую руку от себя.

Сино
Благодарю покорно.

Шамс-уд-Даула
На вас тут много жалоб и обид...

Сино
О чем же?

Шамс-уд-Даула
Говорят, вы запретили положенные выплаты?..

Сино
Кому?

Шамс-уд-Даула
Да многим!

Сино
(взглянув на обоих вельмож)
Уж не вам ли в том числе, почтенные?

Зульфикар
(с вызовом)
Нам, между прочим, тоже!

Сино
(эмиру)
Им жалованье выдано сполна.

Зульфикар
(эмиру)
Но это ложь, о мой эмир пресветлый!

Сино
Конечно, вы привыкли, что казна,
помимо причитающихся сумм,
вас и еще немалыми ссужала...
Но мы отныне это прекратим.

Зульфикар
И это ложь!

Сино
Там есть расписки ваши.
Вы их не признаете?

Зульфикар
Признаю, что я расписывался — но когда?..
Года назад! Там подписей довольно,
кроме моих...

Сино
Да! Ваша вся родня
там шарила, как в собственном кармане...
увы, с благославленья казначея.

Тадж-ул-Мулк
Великий визирь, это клевета!

Сино
Не клевета, а результат проверки.

Зульфикар
Не верим мы проверкам вашим! Их
затеяли, чтоб только очернить нас!

Хватается, было, за рукоятку меча, но отдергивает руку.

Я десять лет командую войсками
и трону верно десять лет служу!
Я показал себя достойно в битвах,
стяжал я честно воинскую славу
и не позволю вам ее пятнать!

Сино
Какой вы воин, этого не знаю.
Зато уж вашей честности цена
мною выверена до одной монеты!

Зульфикар
(снова хватаясь за меч)
Я сталью доказать ее могу!

Сино
Казне потребно золото, не сталь!
Вы ж — получили деньги на оплату
двух тысяч воинов! А заплатили
лишь тысяче... Вторую половину
вы положили в собственный карман!

Зульфикар
Вранье!

Сино
О нет! Проверено дотошно.
Имею документы! Ну, а вы,
о Тадж-ул-Мулк...

Тадж-ул-Мулк
(поспешно)
Прошу, не торопитесь!
Вы просто всех не знаете расходов!
Какие суммы тратятся на той
и украшенья для дворца; какие
дары должны мы посылать — к примеру,
тому же хоть Махмуду Газневи!
В казне непросто деньги удержать...

Сино
Не беспокойтесь, это мне известно.
Равно как то, что на дары Махмуду
потратили вы ровно половину
того, что указали. Остальное
все просто перекочевало к вам!
Вот так вы служите эмиру... Так
страшитесь вы и совести и бога!

Тадж-ул-Мулк
(с плачем кидаясь эмиру в ноги)
Молю, о защите нас, милосердный!

Шамс-уд-Даула
(брезгливо)
Я чувствовал — вы нечисты на руку...
Но ладно уж — мы старое забудем.

Вы дайте им хоть понемногу денег,
о Ибн Сино... а после мы сочтемся.

Сино

Но эти деньги отданы казне,
чтобы исправить старые дороги
и новые прокладывать; чтоб воду
вести к полям — каналы прорывать
и расчищать арыки; чтобы строить
рабахты и базары... Вот на что
народ давал последние гроши,
вот для чего взимаем мы налоги!
И если мы хотим, чтоб нам платили
и дальше их — не смеем обмануть
доверие людское! И зачем?..

Чтоб снова жадным потрафлять мздоимцам?...

Позвольте — я бумагу принесу!

Эмир разрешает кивком головы. Сино выходит.

Тадж-ул-Мулк

Эмир великий, не позорьте нас,
не дайте очернить нас всенародно!
Ведь мы — известная опора трона...
Что скажут люди обо всей державе?
Ошибку совершили — мы исправим,
грешны — мы смоем грех свой жизнью,
кровью!

Эмир, морщась, держась за живот, поднимается на троне.

Шамс-уд-Даула

Но вы мне так уже клялись не раз!

Тадж-ул-Мулк

Теперь— в последний раз! Клянусь —
в последний!

Шамс-уд-Даула

Ну вот, опять живот болит несносно.
Нарушил предписания Сино...
Вина немного выпил... Так всегда.
Сино ведь ясно говорил: не пить!
Проклятое вино!.. Но жить-то — скушно...
Тоска заест, коль не глотнешь немного...
Нет, не могу, мне надобно прилечь!..
Меня не вмешивайте в это дело —
решайте сами. Лишь бы грех потом
не падал на меня...

Тадж-ул-Мулк, поддерживая эмира, уходит с ним во внутренние
покои. Зульфикар
хлопает в ладоши, входят шестеро вооруженных слуг и
выстраиваются в ряд.
Спустя несколько секунд возвращается Ибн Сино.

Сино
А где эмир?..
Сейчас я покажу ему бумаги!

Зульфикар
Сперва вы лучше покажите мне!

Выхватывает у него из рук бумаги и рвет на клочки.

Сино
(гневно)
Что это значит?!

Зульфикар

А вы оглянитесь!

Слуги, обнажив мечи, приближаются к Ибн Сино. Он поворачивается к ним лицом.

Что, разобрались? Это означает
ваш смертный приговор!.. Эй, вы, давайте!

Сино
(слугам)

Вы, значит, собрались меня убить?
За что?.. За то, что я таким, как вы,
орудиям послушным чужой воли,
хотел воздать хоть малой долей благ?
Вернуть хоть часть положенного им?

Зульфикар
Эй, вы! Не слушайте его! Рубите!

Слуги стоят неподвижно.

Сино
Ну, что же вы? Рубите, в самом деле!
За кровь мою заплатят вам немного,
но сами хоть останетесь в живых!..
Хотя и вас — не нынче, значит завтра —
и вас велят...

Зульфикар
Заткните ему глотку!
Немедленно!.. Вас, что, заколдовали?!

Обнажает свой меч и делает шаг к Сино, но тут из внутренних покоев
выходит Тадж-ул-Мулк.

Тадж-ул-Мулк
Постойте!!. Кровь пролить у трона — грех...
Эмир другое приказал...

Хлопает в ладоши, и из внутренних покоев выбегает несколько
других слуг.
Они подбегают к изумленному Сино, срывают с него одежды визиря,
напяливают
на него старый чапан и дервишеский колпак, руки связывают путами.

Итак,
великий визирь, вас освобождают
от вашего поста... Указ эмира!
Не правда ли, забавная проделка
судьбы?.. Ну, ничего, теперь в зиндане
вам времени останется довольно
поразмышлять об этих тайнах мира.
А кстати, и о том, что несподручно
стать шахом нищему!.. И заодно о том,
какая милость вас сейчас постигла:
вместо могилы — угодить в зиндан!
Не правда ли? Займетесь там наукой...
Зиндан ли, худжра — разница мала...
И некуда спешить: сидеть до смерти!

Сино
Что ж, казначей...

Тадж-ул-Мулк
Э, нет — великий визирь!

Сино
(иронически кланяясь)
Простите, я не знал, великий визирь...
Так вы от истины недалеко.

Мне в самом деле разница мала —
в зиндане я, иль во дворце роскошном.
Я — всюду я. Чтоб Ибн Сино остаться,
я должен только быть самим собой!
Мне должности ума не прибавляют,
и мудрости опала не отнимет,
и славы не убавит нищета...
Халат парчовый сносится, богатство
иссякнет... И бессмертно только то,
что служит людям, доброте и правде!
Ну, вот и все. Прощайте, казначей...

Тадж-ул-Мулк подает знак, слуги уводят Сино. Вельможи несколько мгновений стоят неподвижно, потом тоже идут к дверям.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Зиндан в крепости. Сравнительно просторное, но темноватое и неуютное помещение. Тусклый свет падает через зарешеченное окно у потолка. Сино, осунувшийся, с отросшей длинной бородой, сидит на старой курпаче, перед ним низенькая хантахта, на ней — калам, чернильница, в беспорядке разложены исписанные листы бумаги. Сино в грустной задумчивости. Ему чудятся далекие, давно умолкнувшие голоса.

Голос Ситоры
Сынок мой, говорят, ты величайший
табиб, любые ведаешь недуги...
Кроме недугов матери твоей.
А ведь они — ты сам, твои заботы...
Дитя страдает день — а мать неделю,
сын ногу занозит — а мать-то — душу...
И сын для матери — всегда дитя,

хоть бороду снежком ему присыплет!..

Сино трясет головой, словно пытаюсь стряхнуть наваждение.
Но голоса звучат снова, и он погружается в ту же задумчивость.

Голос Сахибджамал
Вы — жизни невянувший цвет,
встающая в травах весна,
взошедший над миром рассвет,
что высветил душу до дна.
Верна ваша Сахибджамал,
и что б наперед ни случилось,
какой бы огонь ни сжигал —
останется так же верна...

Голос Сино
(тоже давний, отзвучавший)
В руках твоих — счастье мое,
ты мне его кажешь нечасто.
Ты здесь — и в цвету моя жизнь,
когда исчезаешь — несчастна.
Лишь ты — все богатство земли!
Сино без тебя обнищает...
О, если б решилась со мной
веки ты не разлучаться...

Сино вытирает набежавшие слезы, встает, ходит взад-вперед, снова садится, начинает работать. Спустя минуту входит с чайником и пиалой в руках тюремщик Якзан.

Якзан
Хаким, простите, я принес вам чаю...
Так славно заварился! Отложите
работу вашу — надо ж отдохнуть!

Садится подле Сино, наливает чай в пиалу и протягивает.

Сино

(берет пиалу)

Благодарю, бобо... Ну, что там в мире?

Якзан

А ничего... По правде говоря,
все то же, что и было: кровь, резня...

Пока амиры будут — будут войны!
Страшают грешных адом после смерти —
по мне, так он при жизни нам достался!

Ну, вам-то до него немного дела:
как вы сюда попали — с той поры
все пишете... Когда ж конец-то будет?

Сино

Конца-то и не будет, бободжан.
Работа не кончается до смерти...
Да, много я еще хотел бы сделать,
и столько мыслей, замыслов! Успею ль?..
Так много времени пропало зря...
Как вспомнишь о минувшем! Сколько лет,
как птица, потерявшая гнездо,
скитался я в изгнании... На всех
песках следы мои остались,
нет городов, где я не побывал!
В Хорезме, Рее, Казвине, Гурганче
и в Несе, Нишапуре, Хамадане...
Лечил больных и спорил с мудрецами,
подчас бывал наперсником эмиров,
подчас и с нищими трапезу делил,
страдал от недругов, дружил с друзьями,
повсюду оставлял учеников,
а главное-то дело оставалось

несделанным... Вот благо, что попал
сюда, в зиндан...

Якзан

Какой же тут зиндан!

Зиндан — он там, за стенами, на воле...
Здесь человек свободен от забот.

Сино

(с улыбкой)

Да вы мудрец, бобо, клянусь Аллахом!..
И все-таки, уввы, заботы наши
не только вокруг нас — и в нас самих.
Мы их с собою и в зиндан приносим —
все горести былые и надежды.
Любимую я потерял, и мать
не смог похоронить; в Хорезме где-то
сын у меня остался... Где — не знаю.

Якзан

Ну, не горюйте так-то уж, хаким!
Вы, говорят, великий человек,
и слава ваша разошлась по миру,
и ваша память сохранится в нем.
А я вот что, к примеру?.. Весь свой век
провоевал на службе у эмиров,
а нажил-то одни рубцы и шрамы!
Женой — и той обзавестись не смог.
Ни медяка про черный день, ни сына,
ни дочери, и никакой родни!
Тюремный стражник в восемьдесят лет!
Помру — никто ведь и не похоронит...
Как и не жил! Но я не унываю...

Снаружи слышится глухой нарастающий шум, удары. Якзан и Сино

переглядываются,
Якзан встает, выходит— почти сразу возвращается, очень
зволнованный.

Сино
Что там стряслось?..

Якзан
Не знаю, как сказать...
Там люди у ворот, не счесть народу...
вас требуют!

Сино
Меня?!.

Якзан
Ну да! Грозят
ворваться в крепость, ломаются в ворота!

Сино
Зачем же я им нужен?

Якзан
Уж не знаю...

Слышен шум шагов, в зиндан входят Шамс-уд-Даула, Тадж-ул-Мулк,
стража, слуги.

Шамс-уд-Даула
Почтеннейший хаким! Мы к вам явились,
чтобы принести вам наши извиненья
за некогда свершенную ошибку...
Великодушье ваше нам известно —
и я прошу вас не попомнить зла...

Сино

Я зла не помню, о эмир. Вот только
не знаю, что вам даст мое прощенье...

Шамс-уд-Даула

Все приняло неожиданный оборот.
Там, в городе, пронесся слух, что вас
в зиндане этом тайно умертвили...
И целый город просто обезумел!
Вы слышите, что там, внизу, творится...
И если впрямь не держите вы зла —
тогда идемте с нами: покажитесь,
пускай они живым увидят вас!

Сино

Ну, а потом... опять вернусь сюда?

Шамс-уд-Даула

Ну, что вы, о почтеннейший хаким!
И речи быть не может...
вам готово достойное жилище!

Сино

В самом деле? Достойное чего?

Тадж-ул-Мулк

Ну... вас, конечно!

Сино

И что же вы хотите — чтоб я так,
в одежде этой, показался людям?..

Шамс-уд-Даула

(обернувшись назад, кричит)
Немедленно одежду принести!

(Сино.)

Я только вас прошу поторопиться —
ведь там, внизу, творится суший ад...

Сино

Ну, мне недолго...

Слуги вносят одежду, быстро снимают с Ибн Сино старье, облачают
его в
новое. Это — костюм визиря. Сино оглядывает себя — и с усмешкой
обращается к Тадж-ул-Мулку.

Как вам, казначей?

Не правда ли, забавная проделка
судьбы?..

Шум внизу все растет, удары в ворота усиливаются.

Шамс-уд-Даула

(беспокойно)

Поторопитесь, о хахим!

Входят сильно постаревший Рахмат и Джурджони, в руках у них пять
тяжёлых, красиво переплетенных томов. Они кладут их на хантахту.

Сино

О, Рахматджан... неужто это ты?

Рахмат

Я, я, учитель...

(обнимаются)

Я пришел с подарком:
вот, весь ваш переписан «Алканон»!

Джурджони

Мы завершили ваш великий труд!..

Сино берет один из томов, проводит корешком по глазам, целует.

Сино

Благодарю, мои ученики...

Светильник разума не гаснет в мире —
как чувство справедливости в сердцах!
Мой главный труд, да будешь ты лучом,
что сквозь века пробьется и сквозь тучи
невежества! Да будет путь твой ясен.

Ну, а пока... пока со мною вместе
ты выйдешь на свободу... Выйдешь в мир,
дитя мое желанное! Идемте...

Берет два тома «Алканона» и идет к дверям. За ним следуют Рахмат и
Джурджони с остальными томами, потом все остальные. Остается
только

Якзан. Спустя несколько мгновений шум внизу разом стихает. И снова
тишина взрывается многоголосым криком.

Толпа:

Да здравствует великий Ибн Сино!..

Якзан слушает, качая головой. На глазах
у него — слезы.

Апрель — октябрь 1979 года